

ПРЕМИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ КИНЖАЛ»
НОМИНАЦИЯ НА ПРЕМИЮ «ЗОЛОТОЙ КИНЖАЛ»
НОМИНАЦИЯ НА ПРЕМИЮ ЭДГАРА ПО

ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШИМ БУДУЩИМ

АБИР МУКЕРДЖИ

Уиндем и Несокрушим

Абир Мукерджи

Человек с большим будущим

«Фантом Пресс»

2016

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Мукерджи А.

Человек с большим будущим / А. Мукерджи — «Фантом Пресс»,
2016 — (Уиндем и Несокрушим)

ISBN 978-5-86471-866-7

Индия, 1919 год. Отчаянно желая начать все сначала, капитан Сэм Уиндем прибывает из Британии, чтобы занять важный пост в полиции Калькутты. Вскоре его вызывают на место странного убийства. Жертва – высокопоставленный чиновник, тело нашли в трущобном квартале, где европейцы не бывают, скомканная записка у него во рту требует, чтобы британцы покинули Индию, а иначе последуют новые жертвы. Капитан Уиндем берет в помощники первого в полиции офицера-индийца, сержанта Банерджи по прозвищу Несокрушим. Быстро выясняется, что история куда запутанней, чем политическое убийство. Атмосферный, в духе Артура Конан Дойла детектив, разворачивающийся в ярких декорациях колониальной Индии. Это первая книга из детективной серии про Уиндема и Несокрушима. Роман получил престижную жанровую премию CWA Endeavour Dagger как лучший исторический детектив.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-86471-866-7

© Мукерджи А., 2016
© Фантом Пресс, 2016

Содержание

Один	7
Два	17
Три	23
Четыре	29
Пять	41
Шесть	46
Семь	50
Восемь	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Абир Мукерджи

Человек с большим будущим

Роман

Памяти моего дорогого отца Сатиендры Мохана Мукерджи

Калькутта, кажется, полна «людей с большим будущим».
Редьярд Киплинг, «Город страшной ночи»¹

Abir Mukherjee
A Rising Man

* * *

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Copyright © Abir Mukherjee 2016

First published as A Rising Man by Harvill Secker, an imprint of Vintage.

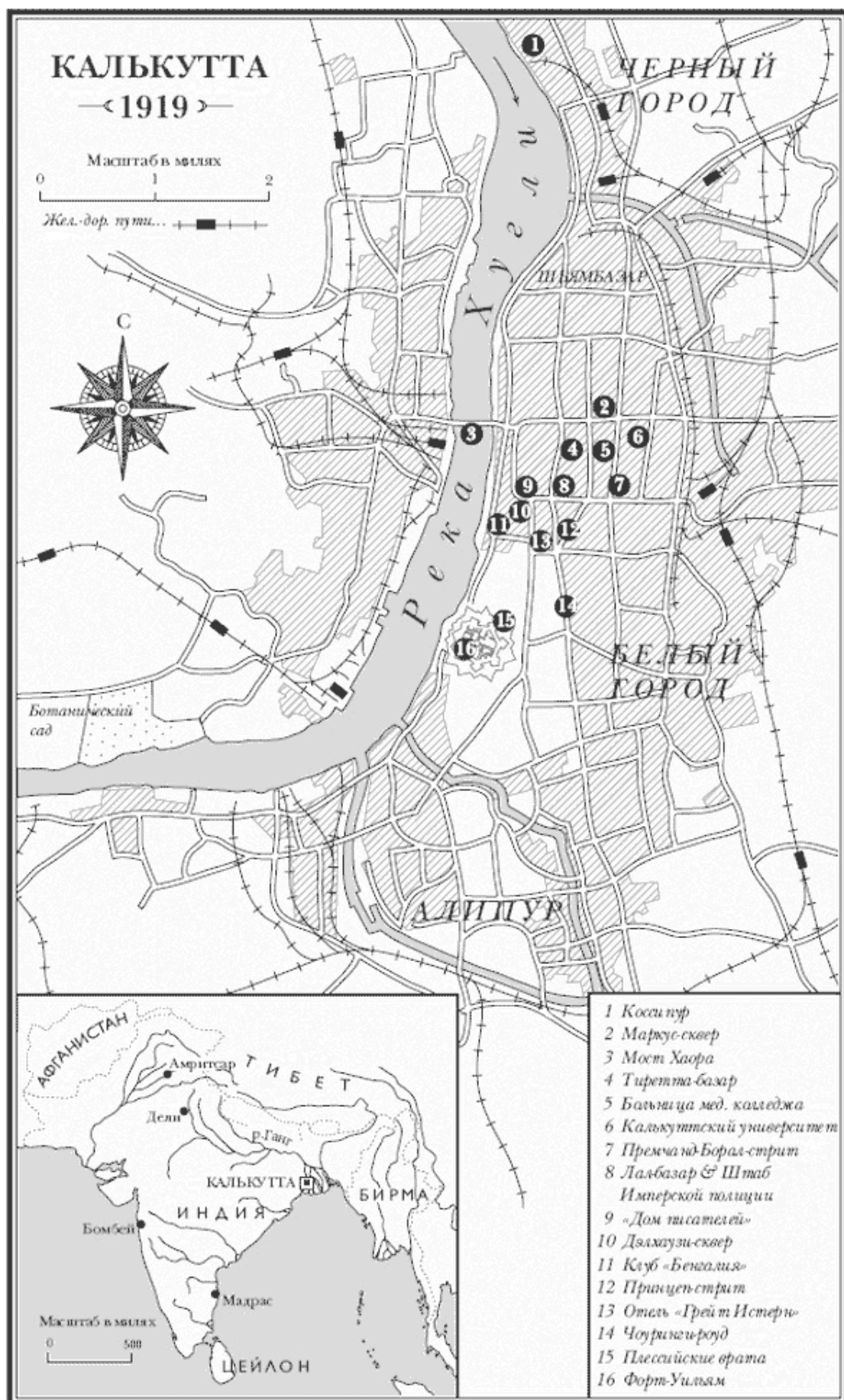
Vintage is part of the Penguin Random House group of companies.

Map copyright © Bill Donohoe 2016

© Мария Цюрупа, перевод, 2020

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2020

¹ Имеется в виду сборник очерков *The City of Dreadful Night*. Существует также одноименный рассказ. – Здесь и далее примеч. перев.

Один

Среда, 9 апреля 1919 года

Что ж, по крайней мере, он был хорошо одет. Галстук-бабочка, смокинг – все как положено. Если уж вам предстоит быть убитым, почему бы не принарядиться.

Отвратительный запах невыносимо драл мне горло. Я закашлялся. Через несколько часов вонять здесь будет нестерпимо – так, что вывернет даже калькуттского торговца рыбой. Я вытащил пачку «Кэпстана», вытряхнул сигарету, прикурил и затянулся, чувствуя, как сладковатый дым прочищает легкие. В тропиках смерть пахнет хуже. Как, впрочем, и все остальное.

Его обнаружил во время обхода маленький худенький *неон*². Бедняга чуть не помер со страху. Спустя час после находки его еще трясло. Тело лежало в темном тупике, одном из тех, что местные называют *гали*, – с трех сторон нависают обветшалые дома, и чтобы увидеть небо, нужно выгнуть шею и посмотреть прямо вверх. Должно быть, у парня хорошее зрение, раз он разглядел человека в такой темноте. А впрочем, не исключено, что он шел на запах.

Тело, изогнутое в нелепой позе, лежало на спине, наполовину погруженное в сточную канаву. Горло было перерезано, руки и ноги неестественно изогнуты, а на крахмальной белой рубашке расплылось крупное бурое пятно. На искалеченной руке не хватало нескольких пальцев, а в одной глазнице недоставало глаза – это последнее святотатство лежало на совести огромных черных ворон, которые сердито наблюдали за нами с ближайших крыш. В общем, не самый достойный конец для *бара-сахиба*³.

Но я видал и похуже.

И в довершение там была записка – испачканный кровью обрывок бумаги, скомканный и туго забитый в рот, словно пробка в бутылку. Это был интересный штрих и совершенно для меня новый. Когда думаешь, что уже видел в жизни все, приятно вдруг осознать, что убийца еще способен тебя удивить.

К месту преступления уже стянулся окрестный люд – пестрое сборище зевак, уличных торговцев и домохозяек. Они толкались, напирали и старались подобраться поближе, чтобы хоть одним глазком взглянуть на труп. Как всегда в подобных случаях, новость распространилась мгновенно. Убийства пользуются успехом во всем мире, а здесь, в Черном городе, на зрелище мертвого тела сахиба можно при желании продавать билеты. Я наблюдал, как Дигби рычит на местных констеблей, требуя оцепить участок. Те, в свою очередь, кричали на толпу, а индийские голоса отвечали оскорблениями и насмешками. Констебли бранились, размахивали бамбуковыми *лати*⁴ и наносили удары направо и налево, понемногу оттесняя собравшихся.

Рубашка липла к спине. Еще не было девяти, но жара уже стояла невыносимая, даже в тени переулка. Я опустился на колени возле тела и обыскал его. Внутренний нагрудный карман смокинга слегка топорщился. Я просунул туда руку и извлек содержимое: черный кожаный бумажник, ключи и несколько мелких монет. Ключи и мелочь я опустил в пакет для улик и приступил к осмотру бумажника. Старый, мягкий и поношенный, он, должно быть, когда-то обошелся владельцу в круглую сумму. Внутри обнаружилась фотография женщины, за годы успевшая помяться и обтрепаться по углам. Женщина была молода на вид, лет двадцати, максимум тридцати. Судя по стилю одежды, снимок был сделан довольно давно. Я перевернул

² В Индии: полицейский из местных жителей.

³ Важный господин, чиновник-британец.

⁴ Длинная бамбуковая палка, используемая в качестве оружия.

его. На обороте были оттиснуты слова: «Феррис и сыновья, Сокихолл-стрит, Глазго». Я сунул фотографию к себе в карман. В остальном бумажник был практически пуст – ни денег, ни визитных карточек, только пара квитанций. Ничего, что указывало бы на личность убитого. Закрыв бумажник и положив в пакет к остальным уликам, я занялся комком бумаги во рту жертвы. Осторожно потянул его, стараясь как можно меньше тревожить тело, – и он легко вышел наружу. Бумага качественная, плотная – такая встречается в дорогих отелях. Я расправил листок. На нем с одной стороны был выведен текст в три строки. Черные чернила. Индийские буквы.

Я окликнул Дигби. Это был худощавый светловолосый сын империи с офицерскими усами. Все в его манерах говорило о том, что он рожден, чтобы править. А еще он приходился мне подчиненным, хотя это и не всегда бросалось в глаза. Дигби служил в Имперской полиции уже десять лет и – по крайней мере, в собственных глазах – был большим специалистом по общению с местным населением. Он подошел ко мне, вытирая потные ладони о китель.

– Убитый сахиб в этой части города – редкость, – сказал он.

– А я-то думал, что убитый сахиб – это в принципе редкость для любой части Калькутты. Дигби пожал плечами:

– Ты удивишься, приятель.

Я протянул ему клочок бумаги:

– Что об этом думаешь?

Перед тем как ответить, он демонстративно изучил бумагу с обеих сторон.

– Я думаю, что это бенгали. Сэр.

Последнее слово он точно выплюнул. Его можно было понять. Конечно, неприятно, когда тебя обходят с повышением. А когда должность достается чужаку, который только что сошел с корабля, прибывшего из Лондона, наверное, должно быть еще горше. Но это была его проблема, а не моя.

– Ты можешь это прочитать? – спросил я.

– Конечно же, я могу это прочитать. Здесь написано: **«Это последнее предупреждение. Скоро улицы утонут в крови англичан. Убирайтесь из Индии!»**

Дигби вернул мне записку.

– Похоже на дело рук террористов, – предположил он. – Но даже для них слишком дерзко.

Я не исключал, что он прав, но хотел собрать побольше фактов, прежде чем делать поспешные выводы. А главное – мне не понравился его тон.

– Нужно прочесать весь район, – распорядился я. – И нужно выяснить, кто это.

– О, я знаю, кто это, – ответил Дигби. – Его зовут Макобли. Александр Маколи. Важная шишка в «Писателях».

– Где?

Лицо Дигби скривилось, словно он проглотил какую-то гадость.

– «Дом писателей», *сэр*, – это административное здание правительства Бенгалии и солидной части остальной Индии. Маколи там один из... или, вернее, был одним из важнейших лиц. Советником губернатора, не меньше. Это все больше и больше похоже на убийство по политическим мотивам, правда, приятель?

– Просто начинай прочесывать район, – вздохнул я.

– Слушаюсь, сэр, – ответил Дигби и отдал честь.

Он огляделся и остановил взгляд на молодом сержанте из местных. Индиец стоял чуть в стороне и сосредоточенно смотрел вверх, на одно из окон, выходивших в переулок.

– Сержант Банерджи! – крикнул Дигби. – Подойдите, пожалуйста.

Индиец обернулся, вытянулся по стойке смирно, затем поспешно приблизился и отдал честь.

– Капитан Уиндем, – сказал Дигби, – позвольте представить вам Несокрушима Банерджи, сержанта. Вне всяких сомнений, сержант – один из лучших новых служащих Имперской полиции его величества, а также первый в истории индеец, попавший в тройку лучших по итогам вступительных экзаменов.

– Впечатляюще! – ответил я, потому что действительно был впечатлен, а также потому, что, судя по тону Дигби, сам он впечатлен не был.

Сержант явно чувствовал себя неловко.

– Такие, как он, – продолжал Дигби, – это плоды новой политики правительства, желающего увеличить число местных во всех департаментах, помощи нам Господь.

Я повернулся к Банерджи. Это был худенький паренек с тонкими чертами лица. Люди подобного типажа и в возрасте за сорок выглядят подростками. Нетипичная физиономия для копа. Он казался серьезным и в то же время взволнованным. Гладкие черные волосы были аккуратно расчесаны на косой пробор, а круглые очки в стальной оправе придавали ему ученый вид. Он скорее походил на поэта, чем на полицейского.

– Сержант, я хочу, чтобы тут все осмотрели самым тщательным образом.

– Конечно, сэр, – ответил он с таким произношением, словно только что прибыл из гольф-клуба в Суррее. Его речь была гораздо более английской, чем моя. – Что-нибудь еще, сэр?

– Еще один вопрос, – сказал я. – Что вы разглядывали там, наверху?

– Я заметил там женщину. – Сержант моргнул. – Она наблюдала за нами.

– Банерджи, – вмешался Дигби, большим пальцем указывая на толпу, – за нами, черт возьми, наблюдают человек сто, не меньше.

– Да, сэр. Но эта дама была напугана. Заметив меня, она замерла, а потом скрылась из виду.

– Хорошо, – сказал я. – Организуйте розыск, а потом мы с вами отправимся туда и посмотрим, нельзя ли побеседовать с вашей дамой.

– Не думаю, что это хорошая мысль, приятель, – возразил Дигби. – Я должен тебе кое-что рассказать о местных и об их нравах. Если мы будем задавать вопросы их дамам, они могут отреагировать несколько неожиданно. Ты вломишься туда, чтобы допросить какую-нибудь женщину, и не успеешь оглянуться, как поднимется мятеж. Давай, может, лучше я этим займусь.

Банерджи неловко переступил с ноги на ногу.

Дигби нахмурился:

– Вы что-то хотели сказать, сержант?

– Нет, сэр, – извиняющимся тоном ответил Банерджи. – Просто я сомневаюсь, что кто-нибудь станет устраивать мятеж, если мы войдем в этот дом.

Голос Дигби дрогнул:

– И почему же вы так считаете?

– Сэр, – сказал Банерджи, – я совершенно уверен, что это бордель.

Час спустя мы с Банерджи стояли у дверей дома номер сорок семь по Маниктолла-лейн, обветшалого двухэтажного здания. Уж в обветшалых зданиях в Черном городе точно не было недостатка. Казалось, весь район состоит из этих ветхих перенаселенных жилищ, кишящих людьми. Дигби как-то высказывался по поводу местной нищеты и убожества, но, сказать по правде, был в этих постройках некоторый колорит, своеобразное жалкое очарование, подобное очарованию районов Уайтчепел или Степни⁵.

⁵ Уайтчепел и Степни – во время действия романа – бедные районы Лондона.

Когда-то дом был выкрашен в жизнерадостный ярко-голубой цвет, но краска давно пала в бою с безжалостным солнцем и муссонными дождями. Теперь от нее оставалось лишь несколько бледных следов, выцветших голубых полосок на покрытой плесенью зеленовато-серой штукатурке – исчезающее свидетельство более благополучных времен. Кое-где штукатурка отвалилась, обнажив изъеденную временем рыжую кирпичную кладку. Из трещин пробивались сорняки. Над нашими головами из стены торчали пугающие останки балкона, похожие на кривые зубы обломки железных перил обвивала густая листва. Входная дверь представляла собой ряд грубых, плохо подогнанных досок. С нее краска тоже давно облупилась, открыв темное, порченное жучками дерево.

Банерджи поднял лати и громко постучал.

Изнутри не донеслось ни звука.

Он оглянулся на меня.

Я кивнул.

Он снова забарабанил в дверь:

– Откройте! Полиция!

На этот раз изнутри донесся приглушенный голос:

– *Асчи! Асчи!*⁶ Сейчас!

Звуки. Шарканье спешащих ног, затем кто-то завозился с засовом. Хлипкая деревянная дверь сдвинулась, заскрипела – и наконец приоткрылась. Перед нами, согнувшись, как знак вопроса, стоял сморщенный старик-индеец с копной спутанных серебристых волос. Темная кожа, тонкая, как пергамент, свисала с его худого скелета, придавая ему сходство с хрупкой экзотической птицей. Старик поднял взгляд на Банерджи и расплылся в беззубой улыбке:

– Ну, *баба*⁷, чего тебе нужно?

Банерджи повернулся ко мне:

– Сэр, наверное, будет проще, если я объясню ему на бенгали.

Я кивнул.

Банерджи заговорил, но старик, судя по всему, его не расслышал. Сержант повторил все сначала, на этот раз погромче. Тонкие брови старика растерянно сдвинулись. Понемногу выражение его лица изменилось, вернулась улыбка. Он исчез, и через секунду дверь отворилась целиком.

– *Аичун!* – сказал он Банерджи, а затем обратился ко мне: – Ходи, сахиб. Ходи. Ходи!

Старик шаркал впереди нас по длинному темному коридору. Здесь было прохладно, в воздухе висел тяжелый запах благовоний. Мы шли следом, гулко стуча ботинками по начищенному мрамору. Обстановка была изысканной, почти богатой, и резко контрастировала с запущенным фасадом здания. Словно мы вошли в какую-нибудь дверь в Майл-Энде и вдруг оказались посреди шикарного дома в районе Мейфэр⁸.

В конце коридора старик остановился и жестом пригласил нас в просторную, роскошно обставленную гостиную. Элегантные диваны в стиле рококо, на них ворох шелковых подушек с восточным орнаментом. На дальней от нас стене над шезлонгом, обтянутым красным бархатом, с картины в красивой раме невозмутимо смотрел сверкающий драгоценностями индийский принц на белом коне. Огромный зеленый *панка*⁹ размером с обеденный стол неподвижно свисал с потолка. Из окна, выходившего во внутренний двор, в комнату струился свет.

Где-то тикали часы. Я порадовался небольшой передышке. Прошло уже больше недели, а я до сих пор не мог акклиматизироваться. Дело было не только в жаре. Тут присутствовало

⁶ Иду! Иду! (*бенг.*)

⁷ Отец (также используется как уважительное обращение, *бенг.*).

⁸ Аристократический район Лондона.

⁹ Панка – потолочное опахало; ткань, натянутая на деревянную раму. Приводился в движение с помощью веревки.

еще что-то. Что-то бесформенное и неуловимое. Нервозность, проявлявшаяся в виде боли в затылке и тошкливой тошноты. Казалось, на меня плохо действует сама Калькутта.

Несколько минут спустя дверь открылась и в комнату вошла индийская дама неопределенно-деликатного возраста. Старик следовал за ней преданным псом. Мы с Банерджи встали. Для своих лет женщина была весьма привлекательна. Лет двадцать назад она наверняка была красавицей. Пышные формы, кожа цвета кофе, карие глаза, подведенные черным. Волосы дамы были расчесаны на прямой пробор и стянуты в тугий узел. На лбу сияло алое пятнышко. Одета она была в сари из ярко-зеленого прозрачного шелка с каймой, расшитой золотыми птицами. Из-под него проглядывала шелковая блуза, оставлявшая обнаженной талию. Руки украшали несколько золотых браслетов, шею обвивало тонкой работы ожерелье, тоже из золота, с мелкими зелеными камушками.

– *Намаскар*¹⁰, господа, – сказала дама, сложив ладони в приветствии. Браслеты на ее запястьях тихо звякнули. – Прошу, садитесь.

Я вопросительно взглянул на Банерджи. Не эту ли женщину он видел в окне? Он помотал головой.

Дама представилась как миссис Бозе, хозяйка дома.

– Мой слуга говорит, у вас есть какие-то вопросы?

Она подошла ближе и грациозно опустилась в шезлонг. Как по мановению руки, огромный панка на потолке пришел в движение, посылая вниз прерывистые волны вожаденного ветерка. Миссис Бозе нажала на небольшую медную кнопку, расположенную рядом с шезлонгом. В дверях беззвучно появилась служанка.

– Вы ведь выпьете чаю? – спросила миссис Бозе. Не дожидаясь ответа, она обернулась к служанке и распорядилась: – Мина, *ча*.

Служанка ушла так же бесшумно, как и появилась.

– Итак, – продолжила миссис Бозе, – чем могу вам помочь, господа?

– Я капитан Уиндем, – представился я. – А это – сержант Банерджи. Полагаю, вам известно, что в переулке рядом с вашим домом случилась... неприятность?

Она вежливо улыбнулась.

– Ваши констебли так шумят, что, думаю, уже всему *на́ра*¹¹ известно, что, как вы говорите, случилась неприятность. Может быть, вы расскажете мне, что же, собственно, произошло?

– Убит человек.

– Убит? – невозмутимо переспросила она. – Какой ужас.

Мне доводилось иметь дело с англичанками, которым при одном упоминании убийства требовалась нюхательная соль, но миссис Бозе, очевидно, обладала крепкими нервами.

– Прошу прощения, господа, – продолжала она. – В этой части города каждый день кого-нибудь убивают. Но я не припомню ни одного случая, чтобы приезжала половина калькуттской полиции и оцепляла улицу, и тем более странно, что этим происшествием заинтересовался полицейский-сахиб. Обычно очередного бедолагу просто увозят в морг – и дело с концом. Почему в этот раз такая суматоха?

Суматоха поднялась потому, что убитый был англичанином. Но я подозревал, что миссис Бозе знает это и без нас.

– Мадам, я должен вас спросить: не видели ли вы вчера в переулке чего-нибудь подозрительного? Или, может быть, слышали какие-то необычные звуки?

Она покачала головой:

¹⁰ Индийское приветствие.

¹¹ Району (*бенг.*).

– Я каждую ночь слышу подозрительные звуки, доносящиеся из этого переулочка, – пьяные драки, собачий вой. Но если вы спрашиваете, не слышала ли я, как там убивают человека, тогда – нет, не слышала.

Миссис Бозе говорила очень решительно, и это меня удивило. По моему опыту, женщины средних лет и принадлежащие к среднему классу всегда рады помочь полицейским, расследующим убийство. Это добавляет в их жизнь остроты. Некоторые из них так хотят быть полезными, что с удовольствием перескажут вам все сплетни и слухи, словно это Евангелие от Иоанна. Миссис Бозе вела себя необычно для женщины, которой только что сообщили, что в десяти футах от ее дома произошло убийство. Похоже, она что-то скрывала. Правда, вовсе не обязательно что-то имеющее отношение к убийству. В последнее время власти столько всего запрещали, что она вполне могла скрывать что-нибудь совершенно другое.

– Не было ли здесь по соседству каких-нибудь собраний мятежного характера?

Она посмотрела на меня так, словно я был безнадежно глупым ребенком.

– Весьма вероятно, капитан. В конце концов, мы с вами в Калькутте. В городе, где живет миллион бенгальцев, которым больше просто заняться нечем, как сидеть и болтать о революции. Разве вы не поэтому перенесли столицу в Дели? Лучше жариться в отдаленной пустыне среди сговорчивых пенджабцев, чем терпеть соседство опасных бенгальских мятежников. Правда, дальше разговоров они не идут. Но, отвечая на ваш вопрос, капитан: нет, я не слышала ни о каких собраниях мятежного характера. Ни о чем, что бы противоречило статьям вашего драгоценного Закона Роулетта.

Закон Роулетта. Его приняли в прошлом месяце. Он позволял нам упрятать за решетку любого, кого мы подозревали в терроризме или революционной деятельности, и держать там до двух лет без суда. С точки зрения полицейского, это очень упрощало жизнь. Индийцы, конечно, были в ярости, и я их не виню. В конце концов, мы только что воевали во имя свободы, а теперь – подумать только – хватаем людей без ордера и бросаем их в застенки за любые действия, которые покажутся нам мятежом, начиная с неразрешенных собраний и заканчивая косым взглядом, брошенным на британца.

Миссис Бозе поднялась:

– Простите, господа, но я действительно ничем не могу вам помочь.

Настало время попробовать другой подход.

– Подумайте еще раз, миссис Бозе, – сказал я. – Сержант высказал некоторые догадки относительно того, каким именно заведением вы тут руководите. Я, разумеется, думаю, что он ошибается, но одно мое слово – и меньше чем через полчаса тут будет десяток полицейских из отдела нравов. Проверим, кто из нас прав. Скорее всего, они здесь камня на камне не оставят, а вас, вероятно, отправят на Лал-базар для дачи показаний. Может быть, они даже предложат вам провести ночь-другую в камере, – это, как говорится, на усмотрение вице-короля. Или вы все-таки согласитесь нам помочь.

Миссис Бозе смотрела на меня с улыбкой. К моему удивлению, она ничуть не выглядела испуганной. Тем не менее ответила она, осторожно подбирая слова:

– Капитан Уиндем, боюсь, вы... не так меня поняли. Я с радостью помогу вам чем только смогу. Но я действительно вчера ночью не видела и не слышала ничего подозрительного.

– В таком случае вы не станете возражать против того, чтобы мы поговорили с каждым, кто находился ночью в доме?

Дверь открылась, и вошла служанка, неся серебряный поднос с полным набором для типичного английского чаепития. Девушка опустила поднос на невысокий столик красного дерева рядом с хозяйкой и вышла из комнаты.

Миссис Бозе взяла чайник и серебряное ситечко и разлила чай по трем чашкам.

– Конечно, капитан, – сказала она наконец, – вы можете поговорить с кем захотите.

Она еще раз нажала на латунную кнопку на стене, и служанка появилась вновь. Женщины обменялись фразами на чужом языке, и служанка опять исчезла.

Миссис Бозе обернулась ко мне:

– Итак, капитан, я вижу, вы в Индии человек новый. Расскажите, сколько вы уже здесь?

– Не знал, что это настолько очевидно.

Она улыбнулась:

– Совершенно очевидно. Во-первых, у вас лицо очень интересного розового оттенка. Сразу видно, что вы еще не выучили главного правила жизни в Индии: время между полуднем и четырьмя часами дня следует пережить в помещении. Во-вторых, вы пока не успели обрести тот самодовольный вид, с которым ваши соотечественники обычно общаются здесь с местными.

– Простите, что разочаровал вас, – сказал я.

– Не переживайте, – произнесла она небрежно. – Уверена, что это вопрос времени.

Ответить я не успел. Дверь открылась, и в комнату вошли четыре худенькие девушки в сопровождении служанки и старика, который нас впустил. У девушек был несколько растрепанный вид, словно их только что подняли с постели. В отличие от миссис Бозе, девушки не были накрашены, их лица отличались естественной красотой. Все они были одеты в простенькие хлопковые сари разных пастельных оттенков.

– Капитан Уиндем, – сказала миссис Бозе, – разрешите представить вам жителей нашего дома. – Она указала на старика: – Ратана вы уже видели. И конечно, Мину, мою горничную. Остальные – это Сарасвати, Лакшми, Дэви и Сита.

Услышав свои имена, девушки складывали ладони в знак приветствия. Они казались взволнованными. Вполне естественно. В Лондоне большинство юных проституток тоже нервничают, когда их допрашивает полицейский. Большинство, но отнюдь не все.

– Некоторые из нас не говорят по-английски, – продолжала миссис Бозе. – Я буду переводить ваши вопросы на хинди, если вы не против.

– Почему на хинди, а не на бенгали? – удивился я.

– Потому, капитан, что хоть Калькутта и столица Бенгалии, но многие ее жители не бенгалцы. Сита, например, из Ориссы, а Лакшми – из Бихара. Хинди для нас, скажем так, лингва франка. – Она улыбнулась собственной формулировке и указала на Банерджи: – Полагаю, ваш сержант говорит на хинди?

Я посмотрел на сержанта.

– Я давно не практиковался в хинди, сэр, – ответил тот, – но понимаю довольно сносно.

– Хорошо, миссис Бозе, – согласился я. – Спросите их, пожалуйста, не видел ли и не слышал ли кто-нибудь из них вчера ночью в переулке чего-нибудь подозрительного.

Миссис Бозе перевела мой вопрос. Старик, судя по всему, не расслышал, и она повторила погромче. Я взглянул на Банерджи. Он не сводил глаз с Дэви.

Одна за другой девушки ответили «*на́хин*».

Я продолжал сомневаться.

– Вчера в доме находилось семь человек, и никто ничего не видел и не слышал?

– Очевидно, нет, – сказала миссис Бозе.

Я посмотрел на всех по очереди. Старик Ратан, по всей видимости, совсем глух и вряд ли мог что-то слышать. Мина, служанка, могла, но ничто в ее жестах и мимике не заставляло заподозрить, что она что-то скрывает. Миссис Бозе слишком хитра, чтобы выдать себя, даже если что-то знает. Женщины ее рода занятий быстро овладевают навыком отвечать на неудобные вопросы полиции. А вот четыре девушки – другое дело. Наверняка они не спали большую часть ночи, потому что были с клиентами. Возможно, кто-то из них что-нибудь видел. Если так, они, пожалуй, не смогут скрыть это так умело, как миссис Бозе.

Я обратился к Банерджи:

– Сержант, пожалуйста, задайте тот же вопрос снова всем девушкам по очереди.

Он исполнил мою просьбу. Я внимательно наблюдал за девушками, когда они отвечали. И Сарасвати, и Лакшми ответили «нахин». Дэви секунду поколебалась, отвела взгляд и в итоге тоже сказала «нахин». Этого секундного промедления мне было достаточно.

Банерджи задал свой вопрос последней девушке. Она дала тот же ответ, и я не заметил никаких признаков неискренности. Итак, нам нужно было поговорить с Дэви. Только не здесь и не сейчас. Лучше пообщаться с ней наедине.

– Увы, боюсь, мы ничем не можем вам помочь, капитан, – подвела итог миссис Бозе.

– Кажется, вы правы, – согласился я, поднимаясь с дивана.

Банерджи последовал моему примеру. Если миссис Бозе и почувствовала облегчение, она не подавала виду, безмятежная, словно лотос на озерной глади. Я предпринял еще одну попытку выбить ее из колеи:

– Разрешите еще один вопрос?

– Конечно, капитан.

– Где сейчас мистер Бозе?

Она игриво улыбнулась.

– Ладно вам, капитан. Вы должны понимать, что в моей профессии бывает полезно поддерживать респектабельный образ. Поверьте, быть замужем, даже если мужа никто никогда не видел, очень удобно – это помогает справляться с разными житейскими неприятностями.

Мы вышли из дома и вновь оказались на палящей жаре. Тело все еще лежало на прежнем месте, накрытое грязным брезентом. Его уже давно полагалось убрать. Я огляделся в поисках Дигби, но его нигде не было видно.

Переулок превратился в духовку, но народу меньше не стало. Наоборот, казалось, толпа только увеличилась. Зеваки тесными группками набивались под огромные черные зонтики. Такое впечатление, что в Калькутте у каждого есть с собой зонт, и скорее для защиты от солнца, чем от дождя. Я подумал, что стоит последовать совету миссис Бозе и вернуться под крышу до полудня.

Издали донесся звук клаксона: оливково-зеленый санитарный автомобиль приближался к нам по узкой улочке, прокладывая путь через толпу. Перед ним на велосипеде ехал констебль, криками призывая собравшихся уступить дорогу. Возле кордона он спешился, прислонил велосипед к стене, поспешно направился ко мне и отдал честь:

– Капитан Уиндем, сэр?

Я кивнул.

– У меня для вас сообщение, сэр. Комиссар Таггерт просит вас срочно явиться.

Лорд Чарлз Таггерт, комиссар полиции. Это из-за него я оказался в Бенгалии.

Я поблагодарил констебля, и тот отправился к своему велосипеду. Автомобиль уже успел добраться до кордона, и из него вышли два индийских санитара. Они поговорили с Банерджи, подняли тело на носилки и загрузили в машину.

Я снова поискал Дигби, но его нигде не было. Тогда позвал Банерджи, и мы направились к автомобилю, припаркованному в начале переулка. Водитель, рослый сикх в тюрбане, отдал честь и распахнул заднюю дверь.

Мы кое-как пробирались по узким, заполненным людьми улочкам Черного города. Водитель налегал на гудок и выкрикивал угрозы в адрес пешеходов, рикш и повозок, запряженных буйволами.

Я повернулся к Банерджи:

– Сержант, как вы поняли, что в доме бордель?

Тот смущенно улыбнулся.

– Я поспрашивал местных жителей из толпы, что за дома расположены вокруг. Одна женщина с большой охотой рассказала мне обо всем, что творится в доме номер сорок семь.

– А наша миссис Бозе? Как она вам?

– Необычная женщина, сэр. И явно не поклонница британцев.

Тут он был прав. Но это не означает, что она причастна к преступлению. В конце концов, она деловая женщина, а подобным людям, насколько мне известно, нет дела до политики. Конечно, если от политики не зависит прибыль.

– А что за женщину вы видели в окне?

– Ту, которую она назвала Дэви, сэр.

– Вы считаете, это не настоящее имя?

– Может, и настоящее, сэр, но «Дэви» значит «богиня», а у трех других девушек имена индийских богинь. Мне кажется, это слишком странное совпадение. По-моему, обычно такие девушки работают под псевдонимами.

– Ваша правда, сержант, – сказал я и заметил как бы между прочим: – А вы, оказывается, отлично разбираетесь в проститутках.

Уши у юноши покраснели.

– Значит, – продолжал я, – вы считаете, она что-нибудь видела?

– Она сказала, что нет, сэр.

– Да, но что вы сами думаете?

– Я думаю, что она лукавит, и если мне позволено высказать мнение, сэр, я думаю, что вы тоже лукавите. Я только не понимаю, почему вы не стали ее допрашивать дальше.

– Терпение, сержант, – ответил я. – Всеу свое время.

Мы уже добрались до окраин Белого города и ехали по Читпур-роуд. Вдоль широких улиц высились внушительные особняки – дома преуспевающих торговцев, сколотивших состояние на продаже всего на свете, от хлопка до опиума.

– Какое необычное имя – Несокрушим, – заметил я.

– На самом деле меня зовут не так, сэр, – ответил Банерджи. – Мое настоящее имя Сурендранатх. Это одно из имен Индры, царя богов. К сожалению, младший инспектор Дигби счел, что произносить его слишком сложно, и переименовал меня в Несокрушима¹².

– И как вам такой вариант, сержант?

Он беспокойно поерзал на сиденье.

– Меня и похуже называли, сэр. Учитывая, что большинство ваших соотечественников от природы не способны произнести иностранное имя, если в нем более одного слога, Несокрушим – не самый плохой вариант.

Некоторое время мы ехали в тишине, но скоро молчание стало меня тяготить. Кроме того, мне хотелось поближе узнать этого юношу, ведь помимо слуг и мелких чиновников он был, можно сказать, первым настоящим индийцем, с кем мне довелось познакомиться с момента приезда. Я попросил его рассказать о себе.

– Мое детство прошло в Шьямбазаре¹³, – начал он. – Потом я учился в Англии, в пансионе, а затем в университете.

Отец Банерджи, калькуттский барристер¹⁴, всех своих трех сыновей отправил учиться в Англию – сперва в Хэрроу, затем в Оксбридж. Банерджи был самым младшим. Один из его братьев пошел по стопам отца, стал юристом и вступил в адвокатуру в Линкольнс-Инн¹⁵. Дру-

¹² В оригинале *Surrender-not* – не сдающийся (англ.).

¹³ Район Калькутты.

¹⁴ Адвокат высшего ранга, имеющий право выступать в суде.

¹⁵ Одна из четырех профессиональных юридических ассоциаций в Лондоне.

гой стал довольно известным врачом. Что касается Банерджи, отец настаивал, чтобы тот делал карьеру в Индийской гражданской службе, легендарной ICS, но, несмотря на престижность такого пути, юноша не хотел провести свою жизнь за марианом бумаг. Вместо этого он решил поступить на службу в полицию.

– И что на это сказал ваш отец? – поинтересовался я.

– Он недоволен, – ответил сержант. – Отец поддерживает борьбу за автономию. Он говорит, что, служа в Имперской полиции, я помогаю британцам угнетать наших соотечественников.

– А сами вы того же мнения?

Перед тем как дать ответ, Банерджи немного подумал.

– Я полагаю, сэр, что когда-нибудь, возможно, у нас действительно будет автономия. Или может случиться так, что британцы совсем уедут. И если так выйдет, я очень сомневаюсь, что в моей стране миглом воцарится мир и согласие, что бы ни думал на эту тему Ганди. Убийства в Индии никуда не денутся. Если вы уедете, сэр, нам, индийцам, понадобятся знания и опыт, чтобы занять должности, которые вы освободите. И это касается, в частности, правоохранительных органов.

Все это не было похоже на горячие речи в поддержку империи, которые я ожидал бы услышать от полицейского. Как англичанин, я привык считать, что местные всегда или за нас, или против, а те, кто служит в Имперской полиции, наверняка из числа самых преданных. В конце концов, на них и держится система. И то, что по крайней мере один из них придерживается таких неоднозначных взглядов, меня поразило.

Должен признаться, моя первая неделя в Калькутте поселила во мне заметное чувство неловкости. Мне доводилось и раньше встречаться с индийцами. Я даже воевал бок о бок с некоторыми из них. Помню Ипр в 1915 году, самоубийственную контратаку, организованную нашими генералами в жалкой деревушке под названием Лангемарк. Сипаи из Третьего Лахорского подразделения, в основном сикхи и пуштуны, шли в атаку без всякой надежды на успех и полегли там, так и не увидев немецких позиций. Они погибли как герои. И теперь здесь, в Калькутте, мне было неприятно видеть, как мы обходимся с их соотечественниками в их же собственной стране.

– А вас, сэр, что привело в Калькутту? – спросил Банерджи.

Я молчал.

Что я мог ему сказать?

Что я пережил войну, на которой погибли мои друзья и брат? Что я был ранен и отправлен домой, где узнал, что, пока я восстанавливал силы в госпитале, моя жена умерла от гриппа? Что я устал от Англии, в которую больше не верил? Рассказывать все это местному было бы дурным тоном. Поэтому я ответил ему так же, как отвечал всем прочим:

– Мне до смерти надоел дождь, сержант.

Два

Моя мать умерла, когда мне было шесть. Отец служил директором местной школы. В приходе он пользовался некоторым авторитетом, но за его пределами никакого влияния не имел. Вскоре он женился снова, меня же сочли лишним и отослали в Хедерли, ничем не примечательную школу-пансион в богом забытом уголке на юго-западе, настолько удаленном от сколь-нибудь значимых населенных пунктов, насколько это только возможно в Англии.

Хедерли ничем не отличалась от множества других второстепенных частных школ, которыми усеяны графства. Провинциальная как по расположению, так и по подходу, она давала сносное образование, поддерживала некоторую иллюзию респектабельности, и, что самое важное, семьям среднего класса было очень удобно отправлять туда детей, которых по той или иной причине требовалось сбывать с рук без лишних хлопот. Я не возражал. Мне было хорошо в Хедерли – по крайней мере, лучше, чем дома. Во всяком случае, будь у меня возможность, я бы с удовольствием пробыл там подольше. Я завидовал ребятам, которым приходилось проводить каникулы в школе, потому что их родители служили в какой-нибудь далекой точке планеты, несли там бремя белого человека и поддерживали дело империи.

Империя и правда была делом, предприятием среднего класса, построенным на фундаменте таких школ, как Хедерли. Подобные учебные заведения массово производили розовощеких исполнительных молодых людей, которые и были маслом, помогающим вертеться колесам империи. Эти мальчишки становились ее госслужащими и полицейскими, ее клерками и сборщиками налогов. Со временем они женились, заводили собственных детей и отправляли их обратно в Англию за тем же образованием, которое когда-то получили сами, в те же самые школы, чтобы там из них вылепили новое поколение колониальных чиновников. Так колесо делало полный круг.

Я покинул Хедерли в семнадцать лет, когда закончились деньги. За год перед этим отец заболел, оказался стеснен в средствах, и оплата школы стала для него непозволительной роскошью. Я не держал на него зла. Просто не повезло, бывает. Тем не менее передо мной возникла трудность: я должен был решить, что делать с собою дальше. Об университете, даже если бы я и питал надежды туда попасть, теперь не могло быть и речи. И я поступил так, как из века в век поступают энергичные молодые люди без перспектив и вдобавок совершенно без средств. Я отправился в Лондон.

Мне повезло. У меня был дядя, который жил в Ист-Энде¹⁶, неподалеку от Майл-Эндрод. Будучи местным мировым судьей, он водил полезные знакомства. Именно он подал мне идею поступить на службу в полицию. Мысль показалась мне удачной, особенно если учесть, что другого плана у меня не было. Я подал заявление, и мне предложили должность констебля в «Мете»¹⁷, то есть в лондонской полиции, в дивизионе «Эйч». Наш штаб находился в районе Степни. Многие полагают, что «Мет» – самая старая полиция на свете. Это не так. У нас, конечно, были «бегуны с Боу-стрит»¹⁸, но первая настоящая полиция появилась в Париже. «Мет» даже не самый старый в Великобритании. Этот рекорд принадлежит Глазго, где полиция появилась на тридцать с лишним лет раньше, чем Роберт Пил предложил учредить ее в Лондоне. Впрочем, если уж какой город и нуждался в полиции больше Лондона, то это, конечно же, Глазго.

Я не хочу сказать, что в Лондоне было спокойно. В Степни и Ист-Энде точно не было, и убийств на нашу долю выпало более чем достаточно. Нам, правда, не попадались трупы в

¹⁶ Восточная часть Лондона, имела репутацию рабочего, бедного района.

¹⁷ Неформальное название лондонской полиции, сокращение от *Metropolitan Police*.

¹⁸ Группа первых профессиональных полицейских, базировавшаяся на Боу-стрит.

смокингах – не те это были районы. И все же парни из дивизиона «Эйч» были рады иметь при себе старые верные револьверы «бульдоги». Надо сказать, что мне ни разу не пришлось стрелять из моего: чтобы произвести впечатление, обычно было достаточно просто навести его на нарушителя.

Прорыв у меня случился пару лет спустя, в связи с на редкость отвратительным двойным убийством на Вестферри-роуд. Тела лавочника по фамилии Фарлоу и его супруги были как-то ранним утром обнаружены их помощницей, девушкой по имени Роузи, которая при виде сцены, словно сошедшей со страниц бульварного ужастика, повела себя весьма разумно и заорала во всю глотку. Так случилось, что я как раз совершал обход, услышал ее вопли и оказался первым констеблем на месте преступления. Не было никаких следов взлома, вообще ничего подозрительного, кроме, конечно, двух тел в квартире над лавкой – оба в ночных рубашках, у обоих горло перерезано. Вскоре прибыли другие полицейские и оцепили все вокруг. В результате проведенного обыска под кроватью супругов Фарлоу был обнаружен ящик для выручки, открытый и пустой.

Пресса разнюхала о происшествии, накрутила местных жителей до истерики, и убийством занялось Управление уголовных расследований Скотланд-Ярда. После некоторых уговоров они позволили мне продолжать работу над делом. Я убедил их, что могу оказаться полезен – в конце концов, я был первым полицейским на месте преступления и хорошо знал район.

Мы стали искать свидетелей; отозвалось несколько человек. Тем утром они заметили, как из здания выходят двое мужчин подозрительного вида. Кое-кто из опрошенных даже узнал эту парочку – по их словам, это были два брата, Альфред и Альберт Стрэтфорд, хулиганы и бандиты, славившиеся своей жестокостью, чрезмерной даже по меркам этой части города. Мы вызвали братьев для дачи показаний. Разумеется, те все отрицали. Послушать их, так можно было подумать, что оба были в церкви во время убийства.

Потом свидетели пошли на попятный. Показания менялись: было темно, они не могут с уверенностью сказать, что именно видели, даже сомневаются, тот ли это был день. Раз – и мы остались с пустыми руками, братьев Стрэтфорд надо было отпускать. Хватаясь за последнюю соломинку, сотрудники Управления вернулись на место событий, чтобы попробовать найти какие-нибудь улики, пропущенные в прошлый раз, но почти не надеясь на успех. Я остался в штабе и был предоставлен сам себе. Повинуясь минутному порыву, я спустился к сейфу, где хранились вещественные доказательства. Дело разваливалось, мое временное сотрудничество с Управлением уголовных расследований подходило к концу, и я хотел напоследок еще раз взглянуть на наши находки – по старой памяти, так сказать. Я осмотрел скудное содержимое сейфа: пропитанные кровью ночные рубашки, разбитые карманные часы, пустой ящик для выручки. И тут я заметил красноватое пятно, скрывавшееся на крышке ящика, на внутренней стороне ее боковой грани. Должно быть, в тот день пятно проглядели в суете. Я мигом догадался, что это такое, а главное, что может означать. Молнией взлетел я обратно по ступенькам. Мои руки дрожали, когда я показывал улику старшему по званию. Вскоре был призван отдел дактилоскопии Скотланд-Ярда, находившийся тогда в зачаточном состоянии. Им удалось снять отпечаток, который в точности совпал с отпечатком большого пальца Альфреда Стрэтфорда. Мы, можно сказать, поймали преступника за руку. После этого я попросил о переводе в Управление уголовных расследований, и меня приняли.

Что касается братьев Стрэтфорд, то оба они отправились на виселицу.

Следующие семь лет я провел в Управлении, расследуя дела, при встрече с которыми мало кому удалось бы удержать свой обед в желудке. Со временем такие вещи надоедают, и в конце 1912 года я перешел в Специальную службу, чьей главной задачей в то время было приглядывать за столичными фениями¹⁹ и теми, кто им симпатизировал. Сейчас почти никто

¹⁹ Фении – члены тайного общества, боровшегося за освобождение Ирландии от английского владычества.

уже не помнит, что Специальная служба возникла как Специальная ирландская служба. Пусть название теперь и изменилось, но миссия осталась прежней.

Война началась летом четырнадцатого года. Я не был в числе тех, кто с нетерпением ожидал ее прихода (вряд ли индейка могла бы радоваться Рождеству), – может быть, потому, что уже достаточно встречался со смертью, чтобы понять, что она часто отвратительна, как правило, бессмысленна и только в редких случаях благородна. И меня совершенно точно не захватила эта всеобщая лихорадка, под влиянием которой бесчисленное множество молодых людей со всех ног спешили в те первые дни на призывные пункты, полагая, что к Новому году все уже закончится. Сколько же людей считало, что война будет короткой, что мы придем туда, устроим кайзеру взбучку – и дело с концом. Как будто одержать верх над всей технической мощью Германской имперской армии будет не труднее, чем справиться с метателями копий, с которыми мы с удовольствием сражались в ходе своих колониальных кампаний.

И все-таки в итоге я пошел добровольцем. Не из любви к королю и родине, что считается достойным, а из любви к женщине, что совсем не такая однозначная вещь.

Я впервые повстречал Сару в омнибусе в Майл-Энде однажды утром осенью 1913 года. Говоря о любви с первого взгляда, принято упоминать скрипки и фейерверки. Для меня этот опыт был скорее сродни легкому сердечному приступу. Она была красива, как воплощенная мечта англичанина. И слишком хороша собой, чтобы ехать в омнибусе по Уайтчепел-роуд, – да и вообще, если на то пошло, находиться ближе чем в пяти милях от этого места. Не успел я собраться с мыслями, как она вышла, и я потерял ее в толпе. Эта история могла тем и закончиться, но несколько дней спустя я снова встретил Сару в том же омнибусе. Вскоре я стал точно рассчитывать свой маршрут, подгадывая так, чтобы совпасть с ней по времени. Было приятно, что старые добрые техники слежки Специальной службы в кои-то веки пригодились мне для чего-то кроме преследования ирландцев по всему городу.

На протяжении нескольких следующих недель эти утренние поездки придавали вкус моей жизни. Встретив ее, я радовался, если же ее не оказывалось на месте, ощущал пустоту. Однажды, когда в омнибусе было особенно много народу, я уступил ей место. Она решила, что это очень мило с моей стороны. Я решил, что это хорошая возможность завязать разговор.

Со временем мы познакомились ближе. Сара работала учительницей в школе, была на несколько лет старше меня и отличалась умом. Возможно, сперва меня привлекла ее красота, но полюбил я ее именно за ум. Она была открыта новым идеям, придерживалась либеральных и радикальных взглядов. Некоторых мужчин умные женщины пугают, меня же, наоборот, эта черта пьянит и очаровывает. Это были самые счастливые дни в моей жизни. Сара любила природу, и сколько морозных воскресных дней провели мы, гуляя вместе по королевским садам! Я и сейчас при виде любого парка каждый раз вспоминаю о ней.

Но путь истинной любви не бывает гладким²⁰, и в нашем случае он петлял вовсю. Дело в том, что не я один пал жертвой чар Сары. У нее было полно поклонников – главным образом, интеллектуалов и радикалов, попадались среди них и иностранцы. Она ввела меня в свой круг и представила этим занудным серьезным типам с их новыми яркими идеями и старыми потертыми пиджаками. Они любили собираться в кафе и с жаром рассуждать о братской солидарности рабочих и диктатуре пролетариата. Все это, конечно, была полная чепуха. Они находились там по той же причине, что и я, – слетались, словно мотыльки, к тому же пламени. Каждый из них с готовностью вонзил бы нож товарищам в спину, забыв напрочь о братской солидарности, если бы верил, что это поможет ему добиться расположения Сары. Кое-что, впрочем, их объединяло, а именно неприязнь ко мне. Неприязнь, которая ничуть не ослабла, когда они узнали, что я служу в полиции.

²⁰ Строка из комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь», перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Конечно, в нашей компании были и другие женщины, но Сару затмить они не могли. А та, полностью осознавая свою исключительность, старалась равномерно распределять знаки внимания между всеми: здесь взгляд, там ласковое слово – ровно столько, сколько нужно, чтобы не показалось, будто она отдает предпочтение кому-то из своих поклонников, и чтобы никто не пал духом, утратив надежду.

Я записался добровольцем, желая выделиться на фоне остальных. Подобно большинству радикалов, они много говорили, но ничего не делали, и необязательно было быть интеллектуалом, чтобы понять, что Сара начинала уставать от этого бесконечного пустословия. Я записался добровольцем, потому что почувствовал, что, несмотря на свои свободные взгляды, в действительности она хотела, чтобы мужчина вел себя по-мужски. Я записался добровольцем, потому что любил ее. А затем попросил ее руки.

Я поступил на службу в январе 1915 года и за три недели постиг самые азы начального обучения вместе с парой дюжин других новобранцев. Мы с Сарой поженились в конце февраля, а через два дня я отбыл во Францию.

Нам почти сразу пришлось понюхать порошу: нас бросили в атаку у Нев-Шапелья. Некоторые мои товарищи погибли в той битве – первые из многих. В те дни постоянно приходилось искать замену павшим в бою, и быстрое продвижение по службе было обычным делом. Меня, как инспектора уголовной полиции, сочли достойным офицерского звания и быстро произвели в младшие лейтенанты. За этим повышением последовали и другие – просто благодаря тому, что я был еще жив. Мои друзья погибали один за другим. Не пощадила смерть и семью: мой единокровный брат Чарли в семнадцатом году под Камбре «пропал без вести, предположительно убит в бою». За два года до того он был у меня на свадьбе, а на его похоронах я в последний раз видел отца, который вскоре умер. В итоге из нас всех, примерно двадцати парней, одновременно записавшихся добровольцами, в живых остались лишь двое, и только мне удалось не тронуться рассудком – да и это спорно.

Как раз во время войны я и познакомился с лордом Таггертом. В Сент-Омере меня вызвали из строя и приказали явиться к нему. Он носил знаки отличия майора 10-го фузилерского полка, но довольно быстро стало очевидно, что на самом деле он служит в военной разведке. Оказалось, он прочел мое личное дело, обратил внимание на мои несколько лет в Специальной службе и хотел дать мне поручение. Меня отправили в Кале – следить за одним голландцем, которого разведка подозревала в шпионаже в пользу противника. Несколько недель я следовал за ним, замечая, с кем он встречается и с кем водит знакомство, и вскоре мы раскрыли целую сеть шпионов, которые работали в доках и передавали немцам сведения о нашем материальном обеспечении.

Таггерт спросил, хочу ли я остаться работать на него. Тут и думать было нечего: за месяц в разведке я сделал для фронта больше, чем за те без малого два года, что сидел в окопах. Новая работа мне по большей части нравилась, и я хорошо себя проявил. В сравнении с ирландцами, немцы были просто дилетантами. К шпионажу они относились примерно так же, как британцы относятся к торговле на базаре, – считали его сомнительным занятием и уделом других народов.

Война закончилась для меня летом 1918 года в битве на Марне. Гунны²¹ собрались с последними силами и пустили в ход все – казалось, артиллерия лупила две недели без продыху. Я был на задании на передовой, когда рядом разорвался снаряд. Мне повезло. Меня обнаружил санитар, оттащил в полевой госпиталь, а через неделю меня переправили в другой госпиталь, уже в Англии. Какое-то время я находился между жизнью и смертью. От боли мне давали мор-

²¹ Уничжительное прозвище немцев, популяризованное Редьярдом Киплингом в начале XX века.

фий, и много дней я провел в тумане наркотического опьянения. И только гораздо позже, когда мое психическое состояние было признано достаточно устойчивым, мне сообщили о смерти Сары. Мне объяснили, что причиной стал грипп, что была эпидемия, от которой умерло много людей. Как будто это как-то могло смягчить удар.

Обратно во Францию меня посылать не стали. Не было смысла. К октябрю уже стало ясно, что войне конец. Вместо этого меня демобилизовали и позволили вернуться к обычной жизни. Но какая это жизнь, когда все, кто был тебе дорог, лежат на кладбище или разметаны по французским полям, а тебе остались лишь память и чувство вины. Я вернулся на службу в полицию, надеясь вновь обрести какую-нибудь цель. Не помогло. Привычной обстановке не удалось вдохнуть новую жизнь в то, что было теперь пустой шелухой. Со смертью Сары умерло все лучшее во мне. Дни мои были пусты, а ночи наполнены криками умерших, которые ничто не могло заглушить. Ничто, кроме морфия. Когда же он закончился, я перешел на опиум. Действовал он хуже, но его было довольно просто достать, особенно для полицейского, получившего боевое крещение в Ист-Энде. В одном Лаймхаусе²² я знал несколько притонов, и как-то раз морозной декабрьской ночью, бредя неровной походкой по Нэрроу-стрит мимо места, где канал Лаймхаус-Кат встречается с Темзой, я подумал: а не пора ли положить всему этому конец? Это так просто. Пара шагов в темноту – и готово. Холод заглушит боль, и очень скоро все будет позади...

Тут я вспомнил, как разругался с одним сержантом речной полиции в Уоппинге²³. И только мысль о том, как он обрадуется, выловив из воды мой раздувшийся труп, заставила меня передумать.

Таким я бываю мелочным.

Как раз вскоре после этого я получил телеграмму: лорд Таггерт предлагал мне работу. Его назначили комиссаром Имперской полиции в Бенгалии, ему нужны были хорошие детективы, и он просил меня приехать к нему в Калькутту. В Англии теперь не было ничего, о чем я стал бы жалеть, и вот в начале марта, простившись на пристани с отцом Сары, я взошел на борт парохода компании «Пи энд О», отправлявшегося в Бенгалию. Перед отъездом мне удалось стянуть немного таблеток морфия из сейфа для вещественных доказательств в Бетнал-Грине²⁴. Сделать это было несложно, улики терялись то и дело. Ходили слухи, что некоторые уоппингские полицейские гораздо больше зарабатывают на стороне, сбывая запрещенные товары, чем на службе. Меня же только заботило, хватит ли украденных таблеток на трехнедельное путешествие. Получалось впритык. Приходилось бережно расходовать запас, но я надеялся, что смогу продержаться на нем до Калькутты.

Увы, удача повернулась ко мне спиной. По причине непогоды в Средиземном море наш путь стал почти на неделю длиннее, и таблетки закончились за несколько дней до того, как мы наконец увидели бенгальский берег.

Бенгалия. Зеленая, плодородная и невежественная. Она показалась мне страной дышащих паром джунглей и влажных мангровых рощ – скорее водой, чем сушей. Климат в Бенгалии – один из самых неприятных на планете: ее поочередно то иссушает палящее солнце, то заливают муссонные дожди, словно Господь, будучи в дурном расположении духа, выбрал из возможных природных явлений все самые отвратительные для англичанина и собрал воедино в этом проклятом месте. Так что совершенно логично, что именно здесь, в восьмидесяти милях

²² Район в восточной части Лондона.

²³ Район в восточной части Лондона. Находится ниже по течению Темзы, чем Лаймхаус.

²⁴ Район в восточной части Лондона, где находился известный полицейский участок, штаб подразделения «Джей».

от побережья, в малярийном болоте на восточном берегу мутной реки Хугли, мы и решили построить Калькутту, нашу индийскую столицу. Похоже, мы любим трудности.

Я впервые ступил на индийскую землю первого апреля 1919 года. В День дураков. Очень символично. Пароход поднялся вверх по реке. Джунгли сменились полями и деревеньками из глинобитных хижин, и вот наконец за крутой излучиной нашему взору открылся огромный город, увенчанный короной черного марева из сотен промышленных труб.

Не очень-то это приятно – впервые в жизни очутиться в Калькутте без поддержки в виде наркотика. Конечно, тут стоит жара – палящая, удушающая, непреклонная. Но жара – не самое худшее. Влажность – вот что способно довести до безумия.

Река до отказа была набита кораблями. Огромные океанские торговые суда соперничали за место у причала. Если река была артерией города, то эти суда, развозящие товары по всему миру, были его кровью.

Взглянув на Калькутту, можно решить, что это столица с древней историей. На самом же деле она моложе Нью-Йорка, Бостона и десятка прочих американских городов. Однако, в отличие от них, ее не строили с надеждой на новое начало в Новом Свете. Этот город был основан по более приземленной причине. Он предназначался для торговли.

Калькутта – мы звали ее городом дворцов, нашей восточной звездой. Мы построили этот город, возвели особняки и монументы там, где раньше были только джунгли и крыши из тростника. Мы заплатили за это кровью и теперь утверждали, что Калькутта – британский город. Пяти минут здесь хватит, чтобы понять, что никакая она не британская. Но при этом индийской ее тоже не назовешь.

Правда в том, что Калькутта уникальна.

Три

Дом восемнадцать на улице Лал-базар – внушительный особняк, построенный в золотую эпоху Ост-Индской компании²⁵, в те дни, когда абсолютно любой англичанин, если у него было достаточно мозгов и деловой хватки, мог объявиться в Бенгалии без единого пенни и, правильно разыграв карты, сказочно разбогатеть. В средствах, конечно, стесняться не стоило. Говорят, что этот особняк построил как раз такой человек – человек, который прибыл сюда с пустыми карманами, сколотил состояние, но потом все потерял. Он продал дом кому-то, тот – кому-то еще, этот, в свою очередь, продал его правительству, и теперь здесь находился штаб бенгальского подразделения Имперской полиции.

Здание было построено в стиле, который мы называем колониальным неоклассицизмом, – сплошные колонны и карнизы, ставни на окнах, – и выкрашено в красно-охристый. Красно-охристый – это цвет британского колониального правления в Индии. В красно-охристый покрашено большинство государственных учреждений, начиная с полицейских участков и заканчивая почтовыми отделениями. Полагаю, где-то на свете, вероятно в Манчестере или в Бирмингеме, живет толстый предприниматель, разбогатевший на контрактах на производство моря красноватой охры для всех зданий британского правления в Индии.

Мы с Несокрушимом прошли между двумя отдавшими честь часовыми в шумный вестибюль, стены которого были увешаны табличками, фотографиями и прочими реликвиями, накопившимися за сотню лет существования имперских правоохранительных органов, и направились к лестнице.

Кабинет лорда Таггерта находился на четвертом этаже. Попасть в него можно было через небольшую приемную. Там сидел личный секретарь лорда Таггерта, миниатюрный человек по фамилии Дэниелс, единственным смыслом жизни которого, похоже, было служить своему хозяину, чем он и занимался с преданностью влюбленного кокер-спаниеля. Я постучался и вошел. Несокрушим следовал за мной, отставая на пару шагов. Дэниелс поднялся из-за стола. Он выглядел в точности как типичный секретарь важной персоны – бледный, безобидный и на полголовы ниже своего начальника.

– Проходите, пожалуйста, капитан Уиндем, – сказал он, провожая меня к двустворчатым дверям. – Комиссар вас ожидает.

Я вошел. Несокрушим остановился на пороге.

– Проходите, сержант, – сказал я. – Не будем заставлять комиссара ждать.

Он сделал глубокий вдох и вслед за мной переступил порог. В помещении размером с небольшой ангар для дирижаблей свет струился сквозь французские окна, играл на люстрах, свисавших с высокого потолка. Это был внушительный кабинет для полицейского. Пожалуй, главный хранитель законности и правопорядка на столь важном и вдобавок беспокойном аванпосту империи как раз заслуживал такого кабинета. В дальнем конце комнаты, за столом размером с хорошую лодку, под выполненным в натуральную величину портретом Георга V, сидел комиссар. Напротив расположился Дигби. Стараясь ничем не выдать своего удивления, я направился к столу, чтобы присоединиться к этой троице. Несокрушим следовал за мной, отставая на полшага.

– Садись, Сэм, – сказал комиссар, не поднимаясь со своего места.

²⁵ Британская Ост-Индская компания – акционерное общество, созданное в 1601 году для монопольной торговли с Ост-Индией. Со временем компания получила правительственные функции, и с ее помощью была осуществлена колонизация Индии.

Я послушался и сел рядом с Дигби. Стульев для посетителей было всего два, и этого оказалось достаточно, чтобы Несокрушим окончательно разнервничался. Он лихорадочно шарил глазами по комнате. Такое выражение лица я видел у людей, внезапно оказавшихся под обстрелом в нейтральной зоне.

Дигби побагровел.

– Вы где, по-вашему, находитесь, сержант? На вокзале Хаоры? Здесь не место для таких...

– Погодите, – прервал его Таггерт, подняв руку. – Пусть сержант останется. Я думаю, хорошо, если при разговоре будет присутствовать хотя бы один индиец. – Он повернулся к двери и крикнул: – Дэниелс! Принесите стул для сержанта.

Секретарь вскочил и уставился на нас взглядом испуганного кролика. Затем, не говоря ни слова, кивнул, вышел из комнаты, вернулся со стулом, поставил его рядом с моим и снова ретировался, едва ответив на слова благодарности сержанта. Несокрушим сел и стал внимательно разглядывать пол. У Дигби был такой вид, словно его сейчас хватит удар.

Я перевел взгляд на лорда Таггерта. Это был высокий мужчина за пятьдесят с благожелательным лицом священника и дьявольским обаянием.

– Так вот, Сэм, – сказал он, поднимаясь из-за стола и принимаясь ходить по комнате. – По делу Маколи. Мне уже звонил губернатор. Он хочет знать, что мы предпринимаем.

– Быстро расходятся новости, – заметил я, взглянув на Дигби, который сидел, уставившись в одну точку. – Всего-то несколько часов, как мы обнаружили труп.

Дигби пожал плечами.

– Тебе стоит кое-что знать о Калькутте, Сэм, – продолжал комиссар. – Мы не единственные стоим здесь на страже законности и правопорядка. – И добавил уже тише: – Скажем так: у губернатора есть свои... источники.

– В смысле, тайная полиция?

Комиссар поморщился. Вернувшись на свое место за столом, он взял лакированную авто-ручку и в задумчивости постучал ею по столу.

– Давай просто скажем «альтернативные каналы».

Я не смог сдержать улыбку. «Тайная полиция» бывает только у иностранцев. У нас – «альтернативные каналы».

– Не знаю, что именно они ему рассказали, но он крайне обеспокоен, – продолжал Таггерт. – Когда станет известно, что убит высший британский чиновник, и не кто-нибудь, а ближайший помощник губернатора, обстановка может накалиться. Революционеры придут в восторг, осмелеют – и кто знает, что они натворят дальше. Дигби ознакомил меня с ситуацией, но я хочу узнать твое мнение.

Рассказывать было особенно нечего.

– Расследование только начинается, сэр, – сказал я, – но я согласен с младшим инспектором Дигби. Похоже на преступление по политическим мотивам.

Комиссар потер рукой подбородок.

– Свидетели были?

– Пока не нашли, но у нас есть несколько зацепок.

– И что вы думаете делать дальше?

– По обычной схеме, – ответил я. – Сперва как следует прочешем место преступления, поговорим со свидетелями, потом – с теми, кто был знаком с убитым. Я хотел бы больше узнать о Маколи: кто и когда видел его в последний раз и что он делал в Черном городе вчера ночью, одетый так, будто собрался в оперу? Еще я поговорил бы с его начальником, губернатором.

Дигби фыркнул.

– Это может быть не так просто, Сэм, – вздохнул комиссар. – Губернатор и штат его служащих собираются отплыть в Дарджилинг в ближайшие пару недель. Можно попробовать

впихнуть тебя в его расписание. Впрочем, предоставь это мне. Ситуация создалась щекотливая, потому не исключено, что он и уделит тебе пятнадцать минут. А пока что разрабатывай другие направления.

– В таком случае мы начнем с секретаря Маколи – если, конечно, у него был секретарь.

– Несомненно, – подал голос Дигби. – Наверное, какой-нибудь маратель бумаги там, в «Писателях».

– Прекрасно, – сказал комиссар. – Действуйте. И держи меня в курсе, Сэм. Дигби, пообщайтесь со своими людьми в Черном городе. Выясните, не слышали ли они чего. Я хочу, чтобы в этом деле вы задействовали все рычаги, господа.

– Конечно, сэр, – ответил я.

– И последнее. – Комиссар повернулся к Несокрушиму: – Как ваше имя, сержант?

– Банерджи, сэр, – ответил сержант и посмотрел на меня: – Несокрушим Банерджи.

Я вышел из кабинета в сопровождении Дигби и Несокрушима, все еще прокручивая в голове беседу с комиссаром. Что-то тут было не так.

– Ну, что ты думаешь? – обратился я к Дигби.

– Похоже, положение действительно щекотливое, приятель.

Проницательный анализ ситуации, ничего не скажешь.

– Начинай разговаривать со своими осведомителями. Выясни, слышал ли что-то кто-нибудь из них.

Он открыл было рот, словно собираясь заговорить, но передумал.

– У тебя есть идея получше? – поинтересовался я.

– Да нет, приятель. – Он улыбнулся. – Ты же у нас из Скотланд-Ярда, поступим по-твоему.

Я отпустил Дигби, и тот направился в сторону своего кабинета. Я проводил его взглядом, затем велел Банерджи узнать последние новости с места преступления. Сержант отдал честь и зашагал в направлении «ямы», где сидел он сам и другие полицейские-индийцы. Мне же пока требовался простор, чтобы поразмышлять.

Я вышел на улицу и свернул во двор между основным зданием и пристройкой, где располагались конюшни, гараж и часть административных отделов. Во дворе находился Сад Имперской полиции – пятачок травы и несколько деревянных скамеек, окруженных клумбами и реденькими деревьями. Пышное название плохо подходило для такого скромного лоскутка растительности, но все-таки здесь был сад, и мне этого было достаточно.

Сады воскрешали в моей памяти более счастливые времена. Три года я просидел в окопах, вспоминая дни, которые мы проводили с Сарой, гуляя по паркам Лондона. Тогда я мечтал снова быть с ней рядом, просто любоваться лужайками и цветами с нею вместе. Теперь эта мечта была мертва, но сады до сих пор доставляли мне радость. Я же, в конце концов, англичанин.

Я уселся на скамью и стал раскладывать мысли по полочкам. Комиссар отозвал нас с места преступления только затем, чтобы подчеркнуть важность этого дела. Само по себе странно – как если бы хирурга прервали во время операции, чтобы напомнить ему, как важно спасти пациента.

Меня беспокоило и кое-что другое. Как могли люди губернатора так быстро пронюхать об убийстве? Пеон обнаружил тело около семи утра. На то, чтобы добраться до ближайшей *тань*²⁶ и поднять тревогу, ему потребовалось бы около четверти часа. Когда местные констебли прибыли на место и убедились, что пеон в своем уме и там в канаве действительно лежит мертвый сахиб с выклеванными глазами, в белой рубашке и галстук-бабочке, уже было не меньше половины восьмого. Мы приехали около половины девятого, и Дигби даже не сразу сказал,

²⁶ Полицейский участок в Индии.

что тело принадлежит Маколи, – это случилось еще минут через пятнадцать. И тем не менее всего час спустя объявился констебль, чтобы вызвать нас обратно на Лал-базар. Если учесть, что на дорогу сюда на велосипеде от ближайшей таны нужно около четверти часа – ну, может, чуть меньше, – то выходит, что не прошло и сорока пяти минут с момента опознания тела, как новость успела дойти до канцелярии губернатора, а оттуда позвонили комиссару и рассказали ему что-то настолько пугающее, что он немедленно отозвал следователей с места преступления. Могло ли все произойти таким образом? В принципе, конечно, могло – как, например, «Вест Хэм»²⁷ мог стать чемпионом лиги, – но очень уж это выглядело неправдоподобно.

Я прикинул, как еще можно объяснить произошедшее. Допустим, один из констеблей, проводящих расследование, состоял на службе в тайной полиции губернатора и отправил им донесение, пока мы с Банерджи беседовали в борделе с миссис Бозе и ее домочадцами. Это была вполне допустимая версия. Даже за то короткое время, что я здесь провел, я успел понять, что по крайней мере по части коррупции сотрудники Имперской полиции далеко обошли ребят из «Мета».

Была, впрочем, еще одна возможность: а что, если агенты губернатора знали об убийстве еще до того, как пеон обнаружил труп? Это бы объясняло, каким образом новость так быстро дошла до губернатора. Но и тогда возникали вопросы. Могли ли агенты следить за Маколи? Если так, почему они не вмешались, увидев, что тот в беде? В конце концов, он был одним из высших британских чиновников. Если тайная полиция не вмешивается в случае нападения на бара-сахиба, нам всем пора паковать чемоданы, закрывать лавочку и уезжать, оставив ключи индийцам.

С другой стороны, люди губернатора могли просто-напросто найти тело Маколи сразу после убийства. Это было больше похоже на правду, но зачем тогда оставлять все как есть и ждать, пока на тело наткнется кто-то другой? Почему не поднять тревогу самим? Или, еще лучше, почему просто не убрать все следы, пока никто не видит? Уже не раз смерть важных шишек замалчивалась. Я вспомнил случай с южноамериканским послом при Сент-Джеймском дворе²⁸, которого мы нашли задушенным в комнатке над пабом на Пастушьем рынке. На нем не было абсолютно ничего – только петля на шее и улыбка на лице. Позже сообщалось, что его превосходительство мирно скончался во сне в собственной постели.

Я ходил по кругу. Все эти варианты выглядели неправдоподобными. Не самое удачное начало моего первого дела в Калькутте – дела, которое, как я уже начал понимать, было самым необычным из всех, какими мне приходилось заниматься. Тут не просто белого человека убили в черных кварталах – нет, судя по всему, мы имели дело с убийством крупного британского чиновника местными террористами. Ставки – выше некуда.

Мысли мои переключились на Сару. Что бы она сказала, если бы увидела, как я сижу здесь, за тысячи миль от дома, и занимаюсь подобным расследованием? Я надеялся, что она бы мной гордилась. Боже, как я по ней скучал!

Наверное, я сидел так довольно долго, потому что вдруг осознал, что солнце переместилось, тени почти исчезли, и по спине градом льется пот. Сосредоточиться на задаче становилось все труднее. В тот момент я бы с радостью отдал месячное жалованье за дозу морфия или опиума, но нужно было расследовать убийство. Да и жалованье я пока что не получил.

Я отправился обратно в свой кабинет. Несокрушим сидел на стуле в коридоре возле моей двери, погруженный в свои мысли.

– Я вас не отвлекаю, сержант?

Он вздрогнул, вскочил, опрокинув стул, и отдал честь. Со стульями ему сегодня явно не везло.

²⁷ «Вест Хэм Юнайтед» – футбольный клуб из Восточного Лондона, в 1919 году принятый в Футбольную лигу Англии.

²⁸ Официальное название двора британских монархов.

– Нет, сэр. Прошу прощения, сэр, – сказал он, проходя вслед за мной в кабинет. Судя по выражению лица, он пришел с дурными вестями и прикидывал, не способен ли я в гнев пристрелить гонца. Я мог бы сразу сказать ему, что это не в моем обыкновении, – главным образом потому, что в противном случае я давно остался бы без подчиненных.

– Давайте выкладывайте, сержант, – сказал я.

Несокрушим посмотрел на свои ботинки.

– Нам позвонили из таны в Коссипуре. Место преступления, сэр. Его заняли военные.

– Что? – переспросил я. – Это дело гражданское. При чем здесь военные?

– Военная разведка, сэр, не военная полиция, – пояснил он, нервно сцепляя руки. – Такое и раньше случалось, сэр. В прошлом году мы были на месте взрыва. Националисты взорвали железнодорожное полотно к северу от Хаоры. Вдруг появился полный грузовик военных – и через несколько часов расследование полностью перешло в их руки. Нам приказали никому не говорить ни слова под угрозой дисциплинарных мер.

– Что ж, хорошо, что вы мне рассказали, – искренне ответил я. – Что вы еще о них знаете?

– Боюсь, совсем немного. Такие вещи обычно не рассказывают сотрудникам моего... звания, но всем – по крайней мере, всем на Лал-базаре – известно, что в рамках военной разведки существует особый отдел. Ели не ошибаюсь, он называется подразделение «Эйч» и подчиняется непосредственно губернатору. Все, что губернатор сочтет преступлением по политическим мотивам, попадает под их юрисдикцию.

– Что, так прописано в законе?

Банерджи печально улыбнулся:

– Очень сомневаюсь, сэр, но это неважно. Скажем так: губернатор наделен определенными широкими полномочиями, на основании которых может действовать по своему усмотрению в интересах поддержания порядка на колониальных территориях его величества в Бенгальском президентстве.

– Вы хотите сказать, он волен творить что в голову придет?

На лице сержанта появилась смущенная улыбка:

– Думаю, да, сэр.

Я не знал точно, чем это могло грозить моему расследованию, но был верный способ это выяснить. Когда осваиваешься на новом месте, имеет смысл как можно раньше условиться насчет основных правил. Четко дать понять, с чем готов мириться, а с чем нет. Как говорится, обозначить границы. Опыт мне подсказывал, что в первое время начальник может с равной вероятностью и объявить выговор, и пойти на уступки, особенно если именно он вас нанял.

Оставив сержанта у себя в кабинете, я вышел в коридор и направился обратно на четвертый этаж. Не обращая внимания на возражения перепуганного Дэниелса, я рывком открыл дверь и проследовал напрямик к Таггерту.

Комиссар поднял взгляд от стола. Казалось, он совершенно не удивился.

– Я знаю, что ты хочешь сказать, Сэм.

– Вы снимаете меня с дела Маколи?

Таггерт спокойно указал мне на стул. Пораженный Дэниелс продолжал таращиться на нас из-за дверей.

– При всем уважении, сэр, – начал я, – что, черт возьми, происходит? Час назад вы приказываете мне задействовать все рычаги, а сейчас выясняется, что дело ведут другие люди.

Таггерт снял очки и протер их небольшим платком.

– Успокойся, Сэм, – сказал он со вздохом. – Я сам только что узнал. Послушай. Дело, как и раньше, твое. Просто губернатор посчитал нужным выслать на место преступления военных. Меньше всего мы хотим, чтобы террористы извлекли выгоду из создавшейся ситуации. В районе объявлен комендантский час. Я сделаю все, что смогу, чтобы военные не мешали твоему расследованию.

– Мне нужен доступ к месту преступления. Мы еще не нашли оружие убийства.

– Я посмотрю, что можно сделать, – пообещал Таггерт, – но на это может уйти день-другой.

Через день-другой мое место преступления не будет стоять и медной рупии. Все, что могло бы представлять интерес, окажется в руках военной разведки, и если ее сотрудники хоть каплю похожи на своих собратьев во Франции военного времени, вряд ли они станут делиться. Я почувствовал в горле вкус желчи и сглотнул. Говорить было больше не о чем. Я попрощался и снова спустился к себе. Что ж, дело все еще было моим – по крайней мере, пока.

Несокрушим ждал меня в кабинете. Я так спешил поговорить с Таггертом, что совсем забыл его отпустить. «Интересно, – подумал я, – сколько бы он там так простоял, если бы я не вернулся? Наверное, не один час».

Но сейчас у меня была для него работа. Прежде всего нужно заявить права на тело Маколи. Если, конечно, оно все еще в нашем распоряжении.

Четыре

Чтобы выяснить имя секретаря Маколи, мне хватило нескольких телефонных звонков. Оказалось, что у него был не секретарь, а секретарша, некая мисс Грант. Я подивился тому, что у такого высокопоставленного чиновника, как Маколи, на должности секретаря – женщина. С другой стороны, времена менялись. В Англии тоже сейчас на каждом шагу куда больше работающих женщин, чем раньше. Они заменили отправленных в окопы мужчин и теперь, когда война закончилась, не спешили возвращаться на кухню. Я не видел в этом ничего дурного. Любой, кому довелось побывать в полевом госпитале на попечении санитарок, непременно сказал бы вам, что он всей душой за то, чтобы женщин на рабочих местах стало больше.

Мы с мисс Грант встречались в «Доме писателей» в четыре часа дня. «Писатели» находились всего в пяти минутах от Лал-базара, и я отправился туда пешком, что оказалось ошибкой. Даже во второй половине дня жара свинцом давила на плечи, и к тому моменту, когда я повернул на Дэлхаузи-сквер, я уже был мокрый как мышь. Дэлхаузи можно справедливо назвать сердцем Калькутты, но, подобно Трафальгарской площади в Лондоне, она слишком велика, чтобы выглядеть красивой. Не следует делать общественные пространства такими огромными. В центре располагался широкий прямоугольный бассейн с водой цвета банановых листьев. Дигби как-то упоминал, что в старые времена местные использовали его для стирки белья, купания и религиозных обрядов. После восстания пятьдесят седьмого года всему этому пришел конец. Подобные вольности больше не допускались. Бассейн стоял пустым, и его бутылочно-зеленые воды поблескивали в лучах послеполуденного солнца. Местные (по крайней мере, те, к кому мы относились с одобрением), теперь уже обутые и одетые в сюртуки и застегнутые на все пуговицы мундиры, не поднимая взгляда, спешили мимо по своим делам. На должном расстоянии от воды их держала металлическая ограда, а таблички на английском и бенгали грозили суровой карой всякому, кто пойдет на поводу у своих низменных инстинктов и поддастся соблазну окунуться.

По краям площади возвышались важнейшие здания британского правительства: центральное почтовое отделение, телефонная станция и, конечно же, каменная громада «Дома писателей». Отсюда, из «Писателей», осуществлялось руководство жизнью более чем ста миллионов индийцев, – неудивительно, что это было самое или почти самое основательное здание во всей империи. Но слово «основательное», пожалуй, плохо подходило для его описания. Тут скорее годилось слово «колоссальное». Ведь это и был колосс, созданный, чтобы внушать ужас всем, кто его видит, – и в первую очередь местному населению. Выглядело оно действительно устрашающе. Четыре этажа в высоту и около двухсот ярдов в длину, с массивными плинтами и огромными колоннами, увенчанными статуями богов. Богов, разумеется, не индийских, а греческих или, может быть, римских. Никогда их не различал.

Такова была Калькутта: мы всё здесь строили в классическом стиле. И всё было монументальнее, чем необходимо. Наши административные здания, особняки, наши памятники словно кричали: «Посмотри, что мы создали! Воистину, мы – преемники Рима!»

Это была архитектура господства, и мне она казалась несколько абсурдной. Палладианские здания с их фронтонами и колоннами, статуи давно почивших англичан, облаченных в тоги, и надписи на латыни на всем без исключения, от дворцов до общественных туалетов, – попади сюда чужестранец, он мог бы решить, что Калькутту колонизировали не англичане, а итальянцы, и в этом не было бы его вины.

На площади кипела жизнь. Трамваи и автомобили извергали бесконечный поток чиновников, как белых, так и местных. Облаченные, несмотря на невыносимую жару, в костюмы и галстуки, они смешивались с толпой снующих людей, которые скрывались в широкой галерее здания и выходили обратно.

Я подошел к столу администратора и спросил мисс Грант. Клерк сверился с алфавитным списком, а потом позвонил в медный звонок, стоявший на мраморной поверхности. Появился лакей в тюрбане, и клерк обратился к нему грубым тоном, который мелкие чиновники обычно используют в разговорах с подчиненными. Лакей подобострастно улыбнулся и пригласил меня следовать за ним. Мы пересекли вестибюль и остановились у лифта с табличкой «Посторонним вход воспрещен». Лакей отворил решетчатую дверь и предложил мне войти. Внутри не было никаких кнопок. Вместо этого мой сопровождающий достал из кармана ключ, вставил его в медную замочную скважину и повернул. Кабина вздрогнула, а затем стала плавно подниматься. Лакей улыбнулся: «Особый лифт, сахиб».

На четвертом этаже лифт остановился, подрагивая, и я последовал за лакеем по длинному коридору. Стены здесь покрывали дубовые панели, а синий ковер на полу был таким толстым и пушистым, что в нем могла бы задохнуться небольшая собачка. Лакей остановился возле одной из множества одинаковых и не пронумерованных дверей и снова улыбнулся. За дверью пощелкивала пишущая машинка. Я поблагодарил лакея; он сложил ладони в индийском жесте «пранам» и удалился обратно по коридору.

Я постучал и вошел. За столом, который был слишком мал для разместившихся на нем непомерно огромной пишущей машинки, телефона и стопок документов, сидела молодая женщина. Она печатала и, казалось, была ужасно занята.

– Мисс Грант?

Она подняла глаза от работы. Лицо ее было взволнованным, глаза покраснели.

– Я капитан Уиндем.

– Капитан, – сказала она, убирая от лица прядь каштановых волос. – Прошу вас, проходите.

Поднимаясь со стула, она задела стопку бумаг. Стопка упала, и бумаги разлетелись по полу.

– Простите, – пробормотала она, быстро нагибаясь, чтобы их собрать.

Я старался не смотреть на ее щиколотки, что было непросто, ноги у нее были красивые, а я к подобным вещам неравнодушен. Все-таки она поймала мой взгляд, и, чтобы скрыть смущение, я присел, поднял несколько листов, отлетевших чуть дальше, и подал ей. Ее пальцы слегка коснулись моих, и я уловил аромат ее духов – не цветочный, а какой-то более приземленный. Она благодарно улыбнулась. Приятная улыбка. Уж точно приятнее всего, что мне довелось увидеть с момента высадки в Калькутте. Несколько верхних пуговиц на блузке были не застегнуты, и в разрезе виднелась гладкая смуглая кожа. Слишком смуглая для англичанки, недостаточно – для индианки.

Я предположил, что мисс Грант была смешанного происхождения, – что называется, англо-индианка. Где-то в ее родословной присутствовала индийская кровь. Этого было достаточно, чтобы такие, как она, оказались словно в изоляции – не индийцами, но и не британцами.

– Прошу вас, присаживайтесь, – сказала она, указывая мне на стул. – Хотите чего-нибудь выпить? Может, чаю?

Я попросил воды.

– Вы уверены, капитан? Вы знаете, что говорят о здешней воде? Может быть, лучше джин с тоником? Все же безопаснее.

Идея выпить джина с тоником в ее компании показалась мне привлекательной, даже несмотря на то, что мы сидели в этом кабинете и собирались обсуждать убийство ее начальника. Но я был при исполнении.

– Просто воды, спасибо.

На низком серванте стояли графин и несколько бутылок. Она наполнила водой два стакана и подала один мне.

– Я узнала о случившемся сегодня утром, – сказала она, сделав глоток. – Мне позвонила подруга из канцелярии губернатора. Рассказала, что нашли тело мистера Маколи. Это правда?

– Боюсь, что да.

На глазах у нее выступили слезы. Я не хотел, чтобы она плакала – при виде женских слез я теряюсь и никогда не знаю, что сказать. В итоге я сделал то, что всегда делаю в подобных ситуациях, – предложил ей сигарету. Мисс Грант от сигареты не отказалась. Тогда я достал одну и для себя, закурил и помог прикурить ей.

Она глубоко затаилась и взяла себя в руки.

– Чем я могу вам помочь?

– Я хотел бы задать вам несколько вопросов, мисс Грант.

Она кивнула:

– Пожалуйста, зовите меня Энни.

Имя ей подходило.

– Может быть, для начала вы могли бы мне рассказать о мистере Маколи? Давно ли вы его знаете, чем именно он здесь занимался, кто его друзья – в таком духе.

Энни на минуту задумалась, снова затаилась. Я смотрел, как разгорается красный огонек. Затем она отняла сигарету от губ и нервно выдохнула.

– Мистер Маколи был главой финансового отдела Индийской гражданской службы в Бенгалии. Но не только. Он входил в круг ближайших друзей губернатора, консультировал его по самым разным вопросам. Сегодня он мог вести переговоры о жалованье почтовых служащих, завтра – следить, чтобы поезда шли по расписанию. – Она произнесла все это так, словно выучила текст наизусть. – Я работала на него около трех лет. С конца шестнадцатого года, когда предыдущий его секретарь решил исполнить свой долг перед королем и погиб в пустыне где-то под Багдадом.

Пауза. Она снова затаилась.

– А сам Маколи, как я слышала, прожил в Калькутте с четверть века, если не больше. Вечера он обычно проводил в клубе «Бенгалия».

Смотрела она поверх моего плеча, как будто говорила со стеной.

– У него почти не было друзей. Он был не из тех, кто легко заводит дружеские отношения.

Тут я мог ему посочувствовать. У меня у самого из друзей почти никого не осталось в живых.

– А каким он был человеком?

– Единственное, что интересовало его в людях, – это чем они могут быть ему полезны. Если вы богаты, он сделает все, чтобы вас очаровать. Если нет, вас для него не существует. – Она усмехнулась. – И эта стратегия давала неплохие результаты. Он был близок с некоторыми крайне влиятельными людьми.

– Например?

– Ну, во-первых, конечно, с губернатором. Но это были чисто деловые отношения. Дружбы между ними не было. Губернатор Бенгалии, первое лицо после вице-короля Индии, не станет дружить с такими, как Маколи, сколь бы они ни были полезны.

– Полезны в каком смысле?

Она взглянула на меня так, словно сочла мой вопрос, а может, и меня самого не очень умным.

– Маколи помогал губернатору решать разные вопросы, капитан. Ведь он был из рабочей среды. Парень с крепкой хваткой. Он умел улаживать дела быстро и без шума и не очень волновался, пострадает ли кто-нибудь по дороге. Подобный человек может быть очень полезен такому политику, как губернатор.

Я молчал, надеясь, что она углубится в подробности. Иногда люди говорят просто для того, чтобы заполнить паузу, но Энни была не из таких. Она не спешила нарушить тишину.

– С кем еще он общался близко?

– С Джеймсом Бьюкеном, – ответила она таким тоном, как будто я должен был знать это имя. Правильно истолковав выражение моего лица, она улыбнулась: – Похоже, вы недавно в Калькутте, капитан. Мистер Бьюкен – один из наших драгоценных крупных торговцев и один из богатейших людей в городе. Он джутовый барон и, как и Маколи, шотландец. Его семья торгует джутом и каучуком уже больше ста лет, еще со времен Ост-Индской компании. Там, на родине, у них было несколько фабрик. Спуститесь к реке, и вы наверняка увидите баржи с надписью «Производство Бьюкена – Данди» на борту. Когда-то они возили сырой джут из Восточной Бенгалии через Калькутту и дальше, в Шотландию. Там они плели из него все на свете, от веревок до чехлов на железнодорожные вагоны. Блестящая идея Бьюкена заключалась в том, чтобы перенести фабрики из Данди и открыть производство здесь. Все, что раньше производилось в Шотландии, он теперь производит здесь за малую долю прежней стоимости. Поговаривают, что он одним махом утроил прибыль. Он многократный миллионер. У него несколько фабрик примерно в десяти милях вверх по реке, в городе под названием Серампур, и особняк размером с дворец махараджи.

– Вы там бывали?

Она кивнула.

– Он фактически управляет этим городком.

– И каким же образом?

– Деньги решают все, капитан. Все местные чиновники у него в кармане, а может, и полиция тоже. Не знаю, как там, в Англии, а здесь купить можно каждого, вопрос только в цене. В Серампуре почти все так или иначе обязаны своим положением Бьюкену. Он даже привез из Шотландии несколько сотен своих людей, чтобы управлять местным производством. Город так и называют – Данди-на-Хугли. Вам стоит как-нибудь воскресным вечером прогуляться по Чоуринги, капитан. Каждый второй, кто встретится вам на пути, скорее всего, будет одним из серампурских людей Бьюкена, выбравшихся на день в большой город. У себя на родине они были всего лишь трудягами из рабочего класса, а здесь завели собственных слуг и ходят с важным видом, словно какие-нибудь лорды.

– Чоуринги? Это дорога напротив парка?

– Серьезно, капитан, – поддразнила она меня, – когда вы приехали? Чоуринги – это наша Пиккадилли. Туда выбирают поразвлечься сильные мира сего. – Она помолчала. – Я бы с удовольствием как-нибудь вам ее показала.

Это звучало неплохо. Перспектива пойти с ней куда бы то ни было мне понравилась. Но я тут же устыдился подобных мыслей и сам себя одернул. Ведь я был в трауре по жене. И все же я не встречал в Англии девушек, которые вели бы себя столь прямолинейно. Правда, мисс Грант и не была англичанкой.

Я постарался сосредоточиться.

– В каких отношениях были Бьюкен с Маколи?

– Мистер Маколи всегда говорил, что он единственный, кому доверяет Бьюкен. Вроде бы потому, что они родом из одного города. Бьюкен водил с ним дружбу, и ничего его не смущало. Они то и дело здорово напивались вместе. Маколи регулярно приходил на службу к десяти или одиннадцати утра, после того как всю ночь развлекался в компании Бьюкена. Бьюкен знает толк в вечеринках.

– Они были близкими друзьями?

Она ненадолго задумалась.

– Точно не знаю, капитан. Маколи точно был с Бьюкеном в более близких отношениях, чем с губернатором, но не то чтобы Бьюкен обращался с ним как с равным. По моим ощущениям, Маколи был всегда готов угодить Бьюкену, оказывал ему разные одолжения: тут раздо-

будет разрешение, там подправит закон... Наверное, Бьюкен не скупился на ответные услуги, – правда, никаких доказательств у меня нет.

– Кто еще был у него в друзьях?

– Никто больше в голову не приходит. Как я уже сказала, друзей у него было немного... Был еще, конечно, этот пастор. Вроде бы его звали Данн или Ганн, как-то так. Маколи никогда не был особенно религиозен, но потом познакомился с этим пастором – тот, кажется, как раз тогда прибыл в Калькутту. Типичная история: недавно с корабля, приехал, чтобы творить богоугодные дела – спасать маленькие черные души от адского пламени... Фанатик, – подытожила она с отвращением. – Ну да ладно. В общем, если я не ошибаюсь, он заводит приют.

Она затушила сигарету в оловянной пепельнице, стоявшей на столе.

– Время от времени Маколи ездил ему помогать. Тут для многих, включая меня, это стало полной неожиданностью. Потом, около двух месяцев назад, он начал ходить в церковь. Стал все больше говорить о грехе и об искуплении. Думаю, что-то в нем изменилось. Он как будто стал другим человеком. Забавно. – Губы Энни сложились в тонкую улыбку. – Такой человек, как Маколи, может всю жизнь вести себя как последняя сволочь, а потом как раз перед самой смертью прийти к Богу. Чистый лист, все грехи отпущены. Есть ли в этом хоть капля справедливости, капитан?

Я мог бы указать на то, что его нашли зарезанным в сточной канаве, вот вам и справедливость, – но решил, что лучше задам еще несколько вопросов.

– А враги у него были? – спросил я. – Кому-нибудь могла быть выгодна его смерть?

Энни усмехнулась:

– Его ненавидела половина людей в этом здании, но не могу себе представить, чтобы кто-то из них его убил. Кроме того, наверняка есть еще целая куча тех, кого он погубил, помогая своим покровителям, но я не берусь назвать никаких имен.

– А что насчет индийцев? Были у Маколи враги среди них?

– Наверняка были. Действуя в интересах Бьюкена, Маколи разорил многих местных землевладельцев и торговцев джутом. А были же еще те, кто пострадал, когда лорд Керзон разделил Бенгалию. Пусть под распоряжением и стояло имя Керзона, но именно Маколи составил отчет и написал соответствующие рекомендации. С тех пор прошло уже пятнадцать лет, но многие бенгальцы все еще этого не забыли. И не простили.

Могло ли это послужить мотивом для убийства? В свое время я читал в газетах, что объявление о разделе вызвало протесты в Калькутте. Лорд Керзон, бывший в то время вице-королем, решил разделить Бенгальское президентство на две части. Он мотивировал подобный шаг тем, что Бенгалия слишком велика, что мешает эффективно ею управлять. В этом присутствовала некоторая логика: провинция превышала по размеру Францию, а население ее было больше почти в два раза, – но местные усмотрели в действиях британцев попытку разделить и властвовать. Они пришли в ярость. Однако зачем кому-то ждать пятнадцать лет, чтобы отомстить? Говорят, правда, что у наших восточных братьев прекрасная память, но если бы кто-то из них так долго вынашивал планы мести, я бы ожидал чего-нибудь более замысловатого, чем нападение с ножом в темном переулке.

Мысли мои разбегались. Я уже узнавал симптомы. Через несколько часов меня бросит в холодный пот. Нужно было собраться.

– У него были приятельницы? – спросил я. – Может, длительные отношения?

– Насколько я знаю, нет. Он был не слишком привлекательным человеком.

Действительно, не слишком. Особенно с выклеванным глазом.

– Все считали его закоренелым холостяком. Как бы то ни было, при мне он ни о каких женщинах не упоминал. Я три года занималась его расписанием, и, насколько помню, он ни разу не просил забронировать столик на ужин или купить для кого-нибудь букет цветов.

Я достал фотографию, которую обнаружил в бумажнике Маколи:

– А эта женщина? Она вам знакома?

Она покачала головой:

– Вроде нет. Это важно?

– Точно не знаю, – честно признался я. – Может быть, и важно. Были ли у Маколи вчера какие-нибудь встречи?

Мисс Грант открыла ящик стола, вытащила большой ежедневник с золотым обрезом и бегло его пролистала.

– В десять утра он встречался с губернатором. В последнее время они часто виделись. В это время года всегда так бывает. Нужно столько всего организовать, прежде чем губернатор со своей свитой выдвинется в Дарджилинг. Затем он обедал с сэром Годфри Сомсом из Ассоциации землевладельцев. В «Грейт Истерн». Вернулся сюда около четырех, еле стоял на ногах и довольно скоро ушел опять. Думаю, отправился домой проспать. Так, что дальше?.. Дальше у него был какой-то прием в клубе «Бенгалия» в девять вечера. Наверное, очередной званый вечер у мистера Бьюкена.

– Бьюкен часто устраивает вечеринки?

– О да, – сказала она, снова беря со стола карандаш. – Обычно раз или два в месяц. Наверное, в этом виноват климат или шотландский темперамент. Стоит ртути хотя бы коснуться отметки в восемьдесят пять градусов, они тут же теряют голову, напиваются и устраивают дебош.

Я подумал, что это неплохой образ жизни. То, что Маколи вчера вечером был на вечеринке у Бьюкена, объясняло смокинг, но не объясняло, что он забыл в Черном городе, за много миль от клуба «Бенгалия».

– Не знаете, что он мог делать вчера вечером в Коссипуре?

Она пожала плечами:

– Боюсь, что нет. Не имею понятия. Но он бы ни за что не рискнул поехать в районы, где живут индийцы, без серьезной на то причины. Единственное подобное место, куда он ездил, – это приют, которым заведует тот пастор, но это в Дум-Думе, а не в Коссипуре.

– Дум-Дум? – Название показалось мне смутно знакомым.

– Это пригород возле нового аэродрома, примерно в десяти милях отсюда. Там находится военный завод, где делали пули «дум-дум». О них вы, наверное, слышали.

– Ну конечно, – ответил я, вспомнив, как на полигоне в Скотланд-Ярде демонстрировали эти крайне неприятные боеприпасы. «Дум-дум» были одними из первых в мире полуоболочечных пуль. Их разработали так, что при попадании в тело они расширялись и за счет этого наносили больший урон. Таким образом, эти пули не просто поражали цель, а полностью ее разрушали. В довоенные годы мы особенно ими увлекались, когда умирляли межплеменные конфликты в Африке. Позже они были запрещены международной конвенцией, и некоторые наши генералы сочли это очень неудобным.

– В любом случае, – продолжала она, – ему вчера вечером не нужно было ехать в приют.

А если бы вдруг и понадобилось, подумал я, то вряд ли бы он отправился туда в вечернем костюме.

– А что у него было назначено на сегодня?

– В девять – совещание у губернатора по бюджету на следующий срок, затем обед с директором одного из местных банков. Больше ничего в ежедневнике нет.

– Когда Маколи не появился на встрече в девять утра, кто-нибудь позвонил от губернатора, поинтересовался, куда он делся?

Мисс Грант на секунду задумалась.

– Нет. Я здесь с восьми утра. Первый звонок из канцелярии губернатора был около одиннадцати, когда подруга позвонила мне, чтобы сообщить, что нашли его труп.

– А что насчет военной разведки? Маколи был как-нибудь с ними связан?

Ее глаза удивленно расширились:

– Насколько я знаю, нет, капитан. Если и был, то очень хорошо это скрывал.

На этом у меня закончились осмысленные вопросы. Я подумал, не задать ли и несколько бессмысленных, но не хотел надоесть красивой женщине раньше срока. В таких случаях чем дольше находишься рядом, тем больше шансов, что она увидит тебя насквозь. Я поблагодарил мисс Грант за потраченное время и поднялся, собираясь уйти. Она тоже встала и проводила меня до двери.

– До свидания, капитан. Но если я могу еще чем-то быть вам полезна, пожалуйста, обращайтесь.

Я поблагодарил, напоследок еще раз украдкой взглянул на ее загорелые щиколотки и вдруг услышал собственный голос:

– Знаете, если предложение еще в силе, я, пожалуй, поймаю вас на слове и попрошу показать мне Чоуринги.

Она улыбнулась:

– Конечно, капитан. Буду ждать.

На ступенях здания я остановился, закурил и посмотрел вокруг. Солнце теперь было просто красным диском в западной части неба, температура снижалась. Нет, я не хочу сказать, что на улице стало хорошо, – просто не так адски жарко. По общему мнению, сумерки были здесь самым приятным временем суток, правда, длились они недолго. В тропиках ночь наступает стремительно – от ослепительного дня до полной темноты проходит меньше часа.

Стайка птиц, пролетев у меня над головой, приземлилась в бассейне в центре площади. Перейдя на другую сторону, я облокотился о низкую ограду, устремил взгляд на воду и стал перебирать в уме все, что услышал от прекрасной мисс Грант. Александр Маколи, шотландец родом откуда-то из окрестностей Данди, житель Индии с двадцатипятилетним стажем, без семьи, почти без друзей. Помогал влиятельным людям решать разные вопросы и нажил тем самым множество врагов. Пренеприятный тип, собственная секретарша считает его негодяем. И вдруг несколько месяцев назад он приходит к Богу и становится другим человеком.

Но я так и не узнал, кому могла быть выгодна его смерть. Я щелчком отправил окуроч в воду, и он зашипел, коснувшись поверхности. Я толком ничего не добился – разве что узнал, что Маколи был связан с Бьюкеном, и выяснил, почему на нем был смокинг. Зато познакомился с мисс Грант. В каком-то смысле это было самым серьезным достижением с тех пор, как я прибыл из Лондона.

На улицах зажигали фонари. Сначала они светились оранжевым, затем разгорались до ярко-белого. Государственные учреждения и торговые дома закрывались. Офисные здания выплескивали потоки чиновников и *боксвалла*²⁹ в вечерний сумрак. Я шел обратно на Лал-базар по тротуарам, забитым клерками, которые толклись в полумраке, пытаясь отвоевать себе место в трамвае и уехать домой.

В особняке на Лал-базаре желтые лучи пробивались сквозь щели в ставнях на окнах. У меня на столе лежала записка от Несокрушима. Я позвонил в «яму» и через дежурного по отделению передал, чтобы он зашел ко мне. Пару минут спустя сержант уже постучал в дверь кабинета, вошел, отдал честь и замер по стойке смирно, как огромный оловянный солдатик.

– Мы тут не на плацу, Несокрушим, – заметил я.

– Сэр?

– Вольно, сержант. Не обязательно отдавать честь всякий раз, когда вы входите в кабинет. Бедный малый наморщил лоб.

²⁹ Странствующий торговец, делец.

– Да, сэр. Простите, сэр. Я хотел рассказать вам последние новости. По вашему приказу я распорядился выставить в морге охрану. Теперь к телу имеют доступ только уполномоченные лица.

– Отлично, – одобрил я. – Что со вскрытием?

– Вскрытие назначено на завтра, сэр, на вторую половину дня. У них всего один судебно-медицинский эксперт. Он уверял, что очередь из трупов скопилась на несколько недель вперед, но я объяснил, насколько срочное и щекотливое у нас дело, и со всей возможной настойчивостью попросил, чтобы он сделал для нас исключение. Он выслушал мою просьбу без особой радости, но согласился найти время в завтрашнем расписании.

– Наверное, вы были очень убедительны.

– Я, кажется, несколько раз упомянул имя комиссара. Вероятно, это сыграло некоторую роль.

– Ну разумеется, – ответил я, невольно восхитившись. – Я и забыл, что вы с комиссаром теперь закадычные друзья. Что дальше?

– Младший инспектор Дигби вас искал некоторое время назад, сэр. Я сообщил ему, что вы поехали в «Дом писателей» поговорить с секретарем Маколи. Он сказал, что его дело к вам может подождать до утра.

– Не знаете, что ему было нужно?

– Думаю, у него есть зацепка.

Эта новость меня встряхнула. Каждый раз, когда кто-то из коллег находил зацепку, я испытывал несколько противоречивое чувство – азартное ожидание, что дело сдвинется с мертвой точки, однако с легким привкусом досады, что кто-то оказался успешнее меня самого. Я это списываю на дух соперничества, свойственный мне от природы. На него – и на определенное чувство неуверенности.

– Если у него есть зацепка, ему следовало подождать и рассказать мне все сегодня или хотя бы оставить записку. Где он сейчас?

Сержант пожал плечами:

– Не знаю, сэр.

– Хорошо. Завтра поговорю с ним первым делом, – решил я. – А потом нам предстоит предпринять целую кучу шагов. Я хотел бы повидаться с мистером Джеймсом Бьюкеном. Посмотрите, не удастся ли выяснить, где он находится, и назначить встречу. Еще я хочу поговорить с людьми, знавшими Маколи, – с его слугами и сослуживцами. Найдите мне их имена и адреса. И последнее: мне нужно, чтобы вы разыскали одного христианского пастора. Его зовут не то Ганн, не то Данн – как-то так. Он заведует приютом в Дум-Думе.

Банерджи извлек из нагрудного кармана небольшой блокнотик и карандаш и поспешно записал мои указания.

– Слушаюсь, сэр, – сказал он. – Я сейчас же этим займусь.

Еще один душный вечер. Влажность была такая, что сам воздух казался мокрым. Несмотря на это, я решил, что лучше пройду милю или даже больше до своего жилья пешком и не буду брать рикшу. Нельзя сказать, чтобы я был совсем против рикш, пусть мне и не слишком нравился этот вид транспорта. В том, чтобы тянуть рикшу, нет ничего постыдного. Ведь это работа, и, как всякая работа, она кормит человека и дает ему чувство собственного достоинства. Нет, я отправился пешком, потому что, как скажет вам любой патрульный, если вы действительно намерены познакомиться с городом, нужно пройти его весь дюйм за дюймом.

Обратно я шел не прямой дорогой. Сначала по Боу-базар, потом налево, на Колледж-стрит, улицу тысячи книжных лавчонок, похожих на запутанную систему кроличьих нор, мимо белых колонн больницы медицинского колледжа, потом по направлению к улице Мачуа-базар. Это были окрестности Калькуттского университета. «Основан в 1857 году, – гордо воз-

вещала табличка на здании. – Старейший университет в Азии». Наверное, так оно и было, если не учитывать местные институты, а их, пожалуй, и правда лучше не учитывать, ведь некоторые были старше на несколько тысяч лет.

Пансион «Королевский бельведер» находился на площади Маркус-сквер и старательно изображал из себя приморский пансион на английском побережье. Традиции Борнмута, перенесенные в сердце Бенгалии. Несмотря на название, местечко было не из тех, где останавливаются королевские особы, но достаточно чистое и недалеко до работы. А главное, дешевое. Один из людей лорда Таггерта снял для меня комнату на месяц. Я надеялся, что за это время успею найти что-нибудь более постоянное.

Заведение принадлежало женщине, внушительной, как линкор Королевского флота, – миссис Теббит, супруге полковника Индийской армии Теббита (в отставке). Они с полковником были сторонниками железной дисциплины. Завтрак подавали ровно с половины седьмого до половины восьмого, а ужин – с семи до восьми тридцати вечера. Сама еда была такой, что армейский паек по сравнению с ней показался бы ужином в ресторане отеля «Савой», и лежала в желудке камнем. Входная дверь запиралась ровно в десять вечера. Правда, благодаря моей службе в армии и работе в Имперской полиции, хозяйка сочла меня достойным особой чести – собственного ключа.

Я отправился прямиком в свою комнату. Это было крошечное помещение со спартанскими условиями, почти келья монаха, только за вычетом близости к Богу: платяной шкаф, кровать, умывальник в углу, письменный стол и стул. На стене гравюра с английским сельским пейзажем, за окном – вид на соседний дом. Мои скудные пожитки почти ничего не добавили к этой скромной обстановке. Они все с легкостью уместались в объемный чемодан фирмы *Pukka*, который Сара купила мне в «Хэрродз» перед моим отъездом во Францию. Это был вместительный чемодан со множеством отделений для всего, что только может потребоваться джентльмену в заграничной поездке, а кроме того, очень прочный. Он мог бы выдержать прямое попадание немецкого снаряда, и на вашей одежде не появилось бы ни складочки.

Я снял ремень и кобуру, повесил их на спинку стула, затем открыл кран умывальника и плеснул чуть теплой воды себе в лицо.

Скинув и остальные предметы форменной одежды, лег на спину на кровать. У меня дрожали руки. Жажда усиливалась. Я повторял себе, что ждать осталось недолго, всего несколько часов. Перевернулся на живот, зарылся руками под подушку и задумался, уже не в первый раз, а что же я, собственно, тут забыл.

Ничто – ну разве что за исключением войны – не может подготовить вас к Калькутте. Ни страшные истории, которые рассказывают вернувшиеся из Индии джентльмены в заполненных дымом гостиных на Пэлл-Мэлл³⁰, ни тексты журналистов и писателей, ни даже путешествие длиной в пять тысяч миль с остановками в Александрии и Адене. Когда вы встречаетесь с Калькуттой, она оказывается гораздо более чужой и странной, чем все, что только способен вообразить англичанин. Клайв Индийский³¹ назвал ее самым неприятным местом во вселенной, и это был один из наиболее благосклонных отзывов.

С городом что-то явно было не так. И дело не только в жаре и в этой ужасной влажности. Я начинал подозревать, что виной тому люди. Калькуттским англичанам свойственно особенное высокомерие, какое редко встретишь в других отдаленных уголках империи. Возможно, причина его – в близком знакомстве. Ведь англичане заправляли в Бенгалии уже полтора века и, судя по всему, считали местное население, а в особенности бенгалцев, достойными исключительно презрения. Полковник Теббит накануне развивал эту тему за ужином: «Из всех народов империи бенгалцы самые худшие. Никакого почтения, понимаете? Не то что пенджабские

³⁰ Улица в Лондоне, где во время действия романа располагались многие престижные клубы.

³¹ Роберт Клайв (1725–1774) – британский генерал и чиновник, первый губернатор Бенгальского президентства.

воины – те с радостью пойдут на смерть, не думая ни секунды, если прикажет сахиб! Нет, эти ваши бенгалцы сделаны из другого теста! Больно уж они умные. Все время какие-то интриги, заговоры... и разговоры. Зачем писать слово, когда можно целый абзац? Так они думают».

Насчет пенджабцев он был прав. Они действительно пойдут на смерть, если им прикажут. Я сам был тому свидетелем. Но одна лишь мысль, что люди, белые или черные, готовы запросто расстаться с жизнью по прихоти старших по званию, наводила на меня ужасную тоску, и если бенгалцы относились к вопросу иначе, я ничего не имел против. Более того, я, как полицейский, был рад, что есть люди, которые предпочитают разговаривать, а не драться.

Если верить полковнику, десять бенгалцев с печатным станком были опаснее для британского колониального правления, чем дюжина вооруженных подразделений сикхов или пуштунов. Не то чтобы я недооценивал способность печатного слова раздувать страсти, нет. Я все прекрасно понимал: я видел на своем веку достаточно пропаганды. Однако то, что даже сейчас там, в Англии, британские цензоры занимались тем, что запрещали фенианские книжки и калечили газетные статьи в промышленных масштабах, мне было не по душе. Но Индия – это не Ирландия. Может быть, здесь и правда нужно действовать жестче. В конце концов, смятая записка, найденная во рту Маколи, достаточно красноречиво иллюстрировала силу слов.

Запах жареной рыбы, донесшийся снизу, из столовой, прервал мои размышления. На моих часах было двадцать минут девятого. Я подумал, не пропустить ли ужин и не заменить ли его парой стаканов виски. Бутылка «талискера» стояла на полу возле кровати, и там еще оставалось больше половины. Но от виски я впадал в сентиментальность, и никто не мог гарантировать, что я остановлюсь после второго стакана.

Поэтому я встал, надел рубашку, побрился и спустился в столовую. За длинным обеденным столом еще сидели несколько постояльцев. На дальнем конце стола восседал полковник в окружении преданных слушателей. Я принес свои извинения.

– Не беспокойтесь, капитан Уиндем, – сказала миссис Теббит, поднимаясь, чтобы меня обслужить. – Мы знаем, что вы человек занятой. Кроме того, еды для вас осталось достаточно.

Ей нравилось суетливо меня опекать. Ведь не каждый пансион может похвастаться тем, что среди его гостей есть служащий полиции! Большинству подобных заведений приходилось довольствоваться обычной чередой разъездных торговцев и дельцов, приехавших из внутренних районов страны. Она вывалила мне в тарелку порцию серой рыбы и еще более серых овощей, и я, поблагодарив, стал прикидывать, как лучше подступить к этому ужину.

Напротив меня сидел огненноволосый ирландец по фамилии Бирн, с которым я познакомился за ужином накануне. Он был торговцем, работал на манчестерскую текстильную компанию и большую часть времени проводил, разъезжая по стране и продавая свой товар местным лавочникам. Судя по всему, эти две недели в Калькутте были для него самой важной частью года. По правую руку от меня расположился острый на язык джентльмен по фамилии Питерс, стряпчий из Патны. В Калькутту его привело дело, которое рассматривалось в Высоком суде. Оба гостя поприветствовали меня кивком головы и вернулись к своей беседе.

– Съездите туда, не пожалеете! – с жаром говорил Бирн. – Чайные плантации на много миль вокруг. Сколько видит глаз. – Он обернулся ко мне: – Капитан Уиндем, я тут как раз рассказываю Питерсу, что в пятницу еду в Ассам, на чайные плантации. Они там совсем не такие, как у нас в Дарджилинге. Понимаете, те, что в Ассаме, – они низинные, они находятся на берегах реки Брахмапутры, а не в горах.

Он снова повернулся к Питерсу, который как раз был занят тем, что пытался спрятать кусок рыбы в овощах у себя в тарелке.

– И еще одна удивительная вещь. – Бирн расплылся в улыбке. – Время! – Он демонстративно посмотрел на свои часы: – Здесь, в Калькутте, сейчас половина девятого. И ровно столько же в Бомбее, в Карачи и в Дели. Более того – и во всех городах в Ассаме тоже половина девятого. Но не на чайных плантациях! Нет, сэр! Знаете, который час там?

Судя по виду Питерса, ему это было безразлично.

– Половина десятого! – радостно воскликнул Бирн. – Представьте себе! На час больше, чем во всей стране. Это так и называется: время чайных плантаций.

– И как же это вышло, мистер Бирн? – поинтересовалась миссис Теббит, поднимаясь, чтобы положить еще один кусок рыбы в тарелку Питерса. Она считала себя внимательной хозяйкой в лучших лондонских традициях и заботилась о поддержании приятной беседы между гостями пансиона.

– Видите ли, миссис Теббит, – отвечал мистер Бирн, – все дело в световом дне. Как вы знаете, сборщики чая работают в поле с первого луча солнца и до заката. Но Ассам настолько далеко на востоке, что солнце поднимается там в четыре утра, когда в Калькутте еще темно, и садится примерно в половине пятого. А владельцам плантации это неудобно. Они не хотят, чтобы их работники вставали, когда формально еще середина ночи. Потому и переводят часы на час вперед.

Миссис Теббит повернулась ко мне:

– Что скажете, капитан?

Мне не было абсолютно никакого дела до времени на плантациях, но социальные нормы гласят, что отвечать честно в такой ситуации – дурной тон. Поэтому я проглотил то, что было у меня во рту, и дал более-менее, как мне казалось, удобоваримый ответ – и уж точно более удобоваримый, чем рыба, приготовленная миссис Теббит:

– Наверное, это разумное решение.

– Чушь! – фыркнул полковник с противоположного конца стола. – Мальчик мой, оно какое угодно, но только не разумное. Мякотелое – вот оно какое. В мое время мы и в три часа ночи спокойно вставали, если нам приказывали. Главная беда сегодня – никакой дисциплины! Пропала страна, совсем пропала.

За столом воцарилась тишина. Бирн и Питерс кивали, но в знак согласия или просто чтобы этот старый дурак наконец замолчал, было непонятно. В любом случае, их поведение, безусловно, было разумным.

После ужина супруги Теббит удалились в свою часть дома, а Бирн и Питерс позвали меня в гостиную, чтобы вместе выкурить по сигарете. Я отклонил приглашение. Дело в том, что с тех пор, как закончилась война, я и в лучшем своем состоянии был неважным собеседником, а когда мне срочно требовалась доза – тут и говорить не о чем. Я поднялся к себе, запер дверь и включил вентилятор на потолке. Потом сбросил ботинки, лег на кровать, закинул руки за голову и стал смотреть, как лопасти вяло описывают круг за кругом. Спать я и не думал. Ночь стояла душная, я был на грани. Через какое-то время уже в сотый, наверное, раз взглянул на часы. Еще оставался как минимум час до того, как все остальные обитатели дома отправятся на боковую.

Время тянулось мучительно медленно. Мне отчаянно была нужна порция. Ее требовали и тело, и ум. Без нее я не мог нормально спать, меня преследовал один и тот же кошмар. Наш окоп под нескончаемым артиллерийским огнем. Вопли раненых. Снаряд падает от меня в двух шагах, меня сбивает с ног. В следующую секунду я лежу на спине на дне окопа и тону в вязкой черной жиже. Пытаюсь всплыть, изо всех сил стараюсь подняться, но безрезультатно. Грязь не пускает меня, я погружаюсь все глубже, все более отчаянно пытаюсь за что-нибудь уцепиться. Тщетно ищу опору для руки, для ноги, хоть что-нибудь твердое, – но вокруг только скользкая вонючая грязь. Силы покидают меня. Легкие, кажется, вот-вот взорвутся. Я чувствую, как смерть хватается меня за горло. Сейчас я умру. Утону в этой коварной, смердящей трясине на дне окопа. Зрение отказывает мне, в глазах темнеет. Я перестаю бороться. Я сдался. Нет, не сдался, – смирился. Смерть станет избавлением. Я больше не могу сдерживать дыхание. Я вдохну полной грудью и покончу с этим. И тут, в этот последний миг, меня хватают чьи-то сильные руки. Тянут вверх. Я оказываюсь на воздухе, почти задохнувшийся, но живой. Сна-

ряды все еще падают. Меня без лишних церемоний прислоняют к стене окопа. Лиц своих спасителей я не вижу. Я перевожу дыхание. Рядом лежит чье-то тело, лицо присыпано землей. Меня охватывает страх. Кое-как подползаю к нему. Отчаянно, как сумасшедший, отряхиваю грязь с лица. Пустыми, мертвыми глазами на меня смотрит Сара.

Пять

Пора.

Рывком поднявшись с постели, я доковылял до умывальника и смыл с лица пот. Потом натянул гражданскую одежду, штаны и рубашку, тихонько выбрался из комнаты, спустился по лестнице, вышел на улицу и осторожно запер за собой входную дверь. На углу площади бездельничали несколько *рикша валла*³², увлеченные жарким спором. Когда я приблизился, они устремили на меня опасливые взгляды, разговор замер на полуслове.

– Вы говорите по-английски? – спросил я.

– Я говорю по-английски, сахиб, – ответил самый младший, жилистый парень в пожелтевшей майке и красном клетчатом *лунги*³³.

Я окинул его изучающим взглядом: черные глаза, кожа того же цвета, что и сигара, которую он держал между двух испачканных в табаке пальцев. Он поднес сигару к губам и с силой затянулся. Щеки ввалились, заостряя черты угловатого рябого лица.

– Мне нужно в Тангру, – сказал я.

Остальные *рикша валла* засмеялись и обменялись непонятными мне словами на каком-то своем чертовом языке. Юнец покачал головой и улыбнулся так, как всегда улыбаются местные, если собираются сообщить вам плохие новости.

– Тангра далеко, сахиб. Очень далеко для *рикши*.

Я выругался. Вот я глупец. Мог бы и догадаться, что никакой *рикша валла* не повезет меня в Тангру, до которой отсюда пять миль. Непонятно, о чем я думал. Но я не привык так просто сдаваться. Особенно если дело касалось опиума.

– Тогда отвези меня на стоянку двуколок.

Он кивнул, помог мне забраться в *рикшу*, и через минуту мы уже двигались по улицам в окрестностях Маркус-сквер.

– Зачем сейчас хочешь Тангра, сахиб? – спросил паренек, не останавливаясь.

– Мне нужно в китайский квартал.

Европеец мог направляться в китайский квартал среди ночи с единственной целью, но со стороны местного было бы наглостью высказаться на эту тему открыто.

– Сахиб, – сказал он, – я могу отвезти тебя в маленький китайский квартал. Он в Тиретта-базар, возле Кулутолы. Все, что есть в китайском квартале, есть и в Тиретта-базар. Китайская еда... Китайские лекарства...

Парень был неглуп.

– Ладно. Отвези меня туда.

Я мрачно усмехнулся, представив, что сказала бы миссис Теббит, знай она, куда ее любимый жилец держит путь в этот час. Но, на мой взгляд, в этом была и ее вина. Если бы она не дала мне ключ от входной двери, я так и лежал бы в постели.

Тут я кривил душой. Необходимость в наркотике настолько сильна, что если бы мне не дали ключ, я нашел бы другой способ выйти. Наверное, в дело пошли бы окна, простыни и водосточные трубы. Одно из практических преимуществ посещения английской школы-пансиона заключается в том, что воспитанники получают первоклассные навыки, позволяющие им беспрепятственно проникать внутрь чуть ли не любых построек и так же беспрепятственно выбираться наружу.

³² Валла – человек, занятый работой, связанной с предыдущим словом, например, *рикша валла* – человек, тянущий *рикшу*.

³³ Лунги – традиционная индийская одежда, как мужская, так и женская, представляющая собой широкую полосу ткани, которая оборачивается вокруг пояса и доходит до пят, подобно длинной юбке.

Как бы там ни было, предполагаемое недовольство миссис Теббит не имело значения. Я не нарушал никакого закона. Для англичанина в Индии вообще нет почти ничего в строгом смысле противозаконного, и посещение опиумного притона к этим вещам точно не относится. Закон запрещает курить опиум только рабочим из Бирмы, его могут раздобыть даже индийцы с регистрацией. Что же касается китайцев, то им мы вряд ли могли запретить употреблять опиум. Ведь мы дважды воевали с их императорами за право сбывать это проклятое зелье в их государстве. И уж мы его сбывали вовсю – так, что посадили на него четверть мужского населения. Если подумать, то королеву Викторию можно назвать самым крупным наркоторговцем в истории.

Город был тих в этот час – настолько, насколько вообще бывает тихой Калькутта. Мы двигались в южном направлении, и улицы постепенно становились уже, а здания – беднее и ободраннее. Казалось, в этих переулках обитают только бездомные собаки и такие же бездомные моряки, нетвердой походкой бредущие из кабака в бордель, спешащие расстаться с остатками жалованья и выйти в море со следующим отливом.

Мы завернули в ничем не примечательный проулок и остановились возле покосившейся двери. Ни окон, ни табличек – просто дверь в стене возле бумажного фонаря, которые так любят китайцы. Я вылез из рикши и заплатил своему провожатому. Мы не произнесли ни слова. Он поблагодарил меня кивком головы и сложил ладони в пранаме, затем подошел к двери, громко постучал и что-то крикнул. Нам отворил коренастый китаец в засаленной рубашке и защитного цвета шортах, которые оставляли открытыми толстые колени и придавали своему хозяину сходство со стареющим бойскаутом.

Он смерил меня взглядом, оценивая, как фермер оценивает хромую лошадь, раздумывая, пристрелить ее или нет, а потом жестом пригласил войти.

– Быстро, быстро, – скомандовал он, глядя мне за спину и явно не собираясь вести беседу. После недели, проведенной среди заискивающих индийцев, его манера показалась мне на удивление приятной.

Вслед за ним я пересек тускло освещенную прихожую и по узкой лесенке спустился в небольшой коридор, в дальнем конце которого оказался дверной проем, прикрытый выцветшей занавеской. В воздухе висел густой запах опиумного дыма – сладкий, смолистый, плотский. В моем сознании зажглась искорка узнавания. Теперь уже скоро.

Китаец протянул руку ладонью вверх. Я не имел представления, какие там могли быть расценки, поэтому просто вытащил стопку грязных банкнот и отдал китайцу. Тот пересчитал деньги и улыбнулся.

– Жди здесь, – сказал он и исчез за занавеской.

Минута тянулась за минутой. Я терял терпение. Отодвинув занавеску, я заглянул в соседнее помещение. Дрожащий свет керосиновой лампы освещал голые стены и низкие койки – веревочное плетение на деревянном каркасе. Это заведение было явно не для утонченных натур – ни шелковых постелей, ни позолоченных трубок, ни красивых девушек. Настоящий притон для настоящих наркоманов – людей, ничего из себя не представляющих и ничего не ждущих от жизни. Меня это место полностью устраивало. Нет, я не считал себя наркоманом. Ведь я прибегал к наркотику исключительно в медицинских целях. Опиум помогал мне уснуть, а для этого грязная дыра на задворках подходила куда лучше, чем любое элитное заведение, даже несмотря на отсутствие красивых девушек. Основная проблема заведений высокого класса – это качество опиума. Он там слишком хорош. Чистый опиум возбуждает. Вызывает опьянение. Мне не требовалось опьянение. Я хотел погрузиться в забытие, а для этого требовался дешевый вариант: грубая, нечистая, разбавленная дрянь, которую как раз подают в подобных низкопробных притонах, с примесью золы и бог знает чего еще. От нее наступает

эйфория, а потом ступор – обезболивающий, оглушающий. Благословенный опиум! Если не считать морфия, то это лучшая вещь на свете.

Наконец ко мне вышла молодая круглолицая женщина китайской наружности. Ее губы и ногти были выкрашены в кроваво-красный цвет, а платье было таким же черным и шелковым, как и волосы, ниспадавшие на изящные плечи и струившиеся вдоль спины. С одной стороны платья шел разрез до самого бедра. Я подумал, что, вероятно, слишком поторопился с оценкой этого притона.

– Прошу вас, идите за мной, сахиб, – пригласила женщина.

Индийское обращение прозвучало столь же неестественно из уст китайки, как если бы француз запел «Боже, храни короля». Тем не менее я проследовал за ней к койке, стоявшей почти в самом углу обшарпанной комнаты.

– Прошу вас. Располагайтесь, – сказала она, указывая на шаткую деревянную конструкцию. Словом «располагаться» это можно было назвать лишь с натяжкой, но я «расположился».

Женщина скрылась и тут же вернулась с деревянным подносом, на котором стояла простая бамбуковая трубка для курения опиума – длинная, с металлическим креплением, поддерживающим небольшую керамическую чашу. Рядом с трубкой – спиртовая лампа, длинная игла и, конечно, черный шарик опиума, маленький, чуть больше горошины. Опустив поднос на пол, она взяла лежавшую под рукой свечку и стала разжигать лампу. Затем ловко насадила шарик опиума на кончик иглы.

– Бенгальский опиум, – сказала она, – гораздо лучше китайского опиума. Больше удовольствия для сахиба.

Держа иглу, она поднесла ее к пламени лампы. Опиум разбух и из черного стал багряным. Точными движениями, достойными стеклодува, она разминала его, то растягивая, то снова сворачивая в комочек. Это продолжалось некоторое время, но наконец, решив, что опиум уже готов, она в последний раз скатала его, поспешно положила в чашу и передала мне трубку с той почтительностью, с какой самурай протягивает свой меч. Я взял ее и поднес чашей ближе к спиртовке – так, чтобы язычок огня лизал шарик опиума. Затем затянулся долгой равномерной затяжкой, глубоко вдохнул этот мягкий дым с ароматом патоки. Я вдыхал и выдыхал его, пока он не закончился.

И тогда я наконец-то уснул.

Проснулся я несколько часов спустя. Взглянул на часы, но они, как обычно, встали и показывали четверть второго. Они всегда останавливались приблизительно в это время, а после девяти вечера их показаниям, как правило, нельзя было доверять. Это были часы моего отца. Он подарил мне их на восемнадцатый день рождения, и это, по сути, была единственная семейная реликвия, доставшаяся мне в наследство. С тех пор я их носил постоянно, в том числе и в годы, проведенные во Франции. Они уже давно барахлили – с того самого дня, когда немцы попытались снести мне голову фугасным снарядом в битве на Сомме в шестнадцатом году. Меня отбросило взрывной волной, и я каким-то чудом остался невредим. Часам повезло меньше – стекло разбилось, а на корпусе осталась вмятина. В свой следующий отпуск я отдал их в ремонт, но, как и многие старые солдаты, они так и не стали прежними. Что-то случилось с механизмом, и поэтому теперь они начинали отставать и показывать неправильное время через двенадцать часов после завода. После войны я показывал их лучшим часовщикам на Хаттон-Гарден. Те, какое-то время с ними провозившись, говорили, что поломка устранена, но через неделю все возвращалось на круги своя – с надежностью часового механизма.

Я сел на койке. Рубашка насквозь пропиталась потом. Свечи догорели и застыли на полу десятками лужицами растаявшего воска. В свете керосиновой лампы я разглядел еще двоих клиентов. Они лежали на боку на своих койках без признаков сознания. Девушки нигде не было

видно. Я медленно встал, нетвердой походкой поковылял из комнаты, поднялся по лестнице и вышел на улицу.

На город спустился туман, сдобренный выбросами заводских труб. Ночной смрадный воздух напоминал о Лондоне. Только теперь я задумался, как же попасть обратно в свой пансион. Шансов найти в такой час рикшу почти не было, оставалось лишь добираться пешком. Вот только я даже примерно не представлял, где нахожусь. Я ругал себя за то, что не догадался попросить рикшу подождать. Внезапно мне пришло в голову, что Маколи встретил свою смерть в похожих трущобах предыдущей ночью почти в тот же час. Вот будет забавно, если человека, расследующего его убийство, самого убьют сутки спустя при схожих обстоятельствах. Забавно, но не очень-то заманчиво.

Я отправился в путь, надеясь, что двигаюсь в северном направлении. Кое-как нащупывая дорогу во тьме, я ориентировался на одинокий фонарь, в тумане казавшийся просто расплывчатым пятном. Внезапно позади раздался непонятный звук. Я резко развернулся и потянулся за револьвером, но тут же вспомнил, что кобура так и висит на спинке стула у меня в комнате. Я снова себя мысленно обругал.

– Кто здесь? – крикнул я, надеясь, что в голосе не слышно страха.

Ответом была тишина. Упитанная серая крыса выскочила из темноты и юркнула в открытый водосток. Я облегченно вздохнул. Этот город действовал мне на нервы.

Повернувшись, чтобы продолжать свой путь, я что-то почувствовал. Ничего конкретного, просто легкую перемену в воздухе, почти незаметное движение теней. Я вгляделся в темноту, и на какой-то миг мне показалось, что я слышу едва уловимый шепот. По спине побежали мурашки. Я уговаривал себя, что мне померещилось, что у меня разыгралась паранойя. После курения опиума людям часто мерещатся несуществующие звуки. Задним числом я подумал, что лучше бы я проявил осмотрительность и остался в «Бельведере», вместо того чтобы на свой страх и риск отправляться в неведомую глушь. К сожалению, когда человеку срочно нужен наркотик, про осмотрительность он и не вспоминает.

И тут раздался новый звук – скрежет металла, на этот раз громче и ближе. Я инстинктивно попятился и стал поспешно двигаться в обратном направлении. Завернул за угол и столкнулся с каким-то человеком, сшибив его с ног.

– Сахиб? – Это был молодой рикша валла, который привез меня сюда. – Сахиб, – повторил он, с трудом переводя дыхание. – Я не заметил, как вы вышли.

Я помог ему подняться. Он улыбнулся, затем показал на свою рикшу, стоявшую рядом: – В пансион?

Я прикинул, не вернуться ли в переулок выяснить, что там был за звук, но решил, что не стоит. В конце концов, береженого бог бережет. И это вдвойне верно, если ваш револьвер находится в комнате в полумиле от вас.

Пятнадцать минут спустя мы снова были на Маркус-сквер. Я слез возле «Бельведера», достал из кармана банкноту в одну рупию и вручил ее рикша валла. Тот вытащил потертый кожаный кошелек и стал копаться в нем в поисках сдачи. Я остановил его. Он посмотрел на меня озадаченно:

– Цена всего две анны³⁴, сахиб.

– Остальное за ожидание, – сказал я.

Он разулыбался и сложил ладони вместе:

– Спасибо, сахиб.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Салман.

³⁴ Монета достоинством в одну шестнадцатую рупии, бывшая в ходу в колониальной Индии.

- Ты магометанин?
- Да, сахиб.
- Ты всю жизнь здесь живешь?
- Нет, сахиб, я родившийся в Ноакхали, в Восточной Бенгалии. Но уже много лет я живу-щий в Калькутте.
- И ты хорошо знаешь город?
- Очень хорошо, сахиб, – ответил он, покачивая головой на индийский манер.
- Мне нужен хороший рикша валла, – сказал я. – Который всегда был бы под рукой, когда понадобится. Ты хотел бы работать на меня?
- Я всегда только здесь, – ответил он, указывая на стоянку рикш на углу площади.
- Отлично, – сказал я, копаясь в кармане, на этот раз в поисках купюры в пять рупий. Нашел и протянул ему деньги: – Будем считать, что это аванс.

Бесшумно отперев дверь пансиона, я тихо прокрался к себе наверх, разделся в темноте, сел на кровать и прислонился спиной к изголовью. Рядом на полу стояла бутылка виски и стакан из-под зубной щетки. Я взял их и налил себе порцию. Всего лишь стаканчик на ночь, не больше. Легкими движениями раскручивая виски в стакане, я ощущал, как меня окутывает его лекарственный аромат. Чувствуя себя спокойнее, чем когда-либо за последние дни, я медленно потягивал напиток и размышлял о происходящем. Не прошло и двух недель, как я в Калькутте, – и вот уже расследую убийство. Да еще и такое значительное.

Я гадал, почему лорд Таггерт поручил мне это дело. Наверняка же в Калькутте были какие-нибудь опытные инспекторы, к которым он мог обратиться. Может, он хочет меня испытать? Было ли это, как говорится, крещение огнем? Я взвесил и другие варианты, однако ни на шаг не приблизился к пониманию его мотивов. Тогда я допил виски, улегся и постарался переключиться на другие мысли. Это мне удалось, и в конечном итоге я уснул, вспоминая Сару в омнибусе в Майл-Энде.

Шесть

Четверг, 10 апреля 1919 года

Иногда лучше вовсе не просыпаться.

Но в Калькутте это недостижимо. Солнце встает в пять, и начинается настоящая какофония: лают собаки, кричат вороны и петухи. Когда животные выдыхаются, тут же вступают муэдзины, и их призыв к молитве звучит с каждого минарета в городе. Шум такой, что единственные европейцы, которым удается не проснуться к половине шестого, – это те, кто захоронен на кладбище на Парк-стрит.

Первым, что я почувствовал, проснувшись, был все тот же запах рыбы. Спал я неважно, меня беспокоил тоненький комариный звон. Миссис Теббит уверяла, что ни одному из этих созданий не удавалось еще перелететь порог «Бельведера», но, наверное, этот конкретный экземпляр соответствующего меморандума не получил. Я встал, принял душ, побрился, а затем оделся и спустился к завтраку. В столовой не было никого, кроме служанки, поэтому я сел за стол и, сверяясь с часами на каминной полке, выставил время на своих часах. Я как раз заводил их, когда вошла миссис Теббит. Она принесла тарелку, на которой находилось нечто, с виду похожее на кеджери, приготовленное, вероятно, из остатков вчерашнего ужина, и поставила ее передо мной с торжественностью, не очень оправданной в случае этого блюда.

– Боюсь, мне придется отказаться, миссис Теббит, – извинился я. – Что-то сегодня живот побаливает.

Это была ложь во спасение.

– Ах, как жалко, капитан. – Она нахмурилась. – И ночью он вас беспокоил?

– Увы, да.

– Бедняжка! Мне показалось, я слышала ночью шаги на лестнице. Это были вы?

– Наверное, – согласился я. Отличное прикрытие, и я могу прибегнуть к нему снова, когда мне захочется среди ночи наведаться в Тиретта-базар.

Вместо предложенного блюда я предпочел выпить чашку кофе и просмотреть сегодняшний номер «Стейтсмана», который лежал на столе. Газета была сложена так, что видна была только половина заголовка на первой странице, но этого хватило, чтобы меня заинтересовать. Я развернул ее и увидел основной заголовок номера.

ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЛУЖАЩИЙ УБИТ В КОССИПУРЕ

Далее следовал репортаж с места преступления и описание того, в каком виде было найдено тело Маколи, – подозреваю, что оно заставило некоторых читателей газеты подавиться своим утренним кеджери. Это был очень подробный и красочный рассказ. И к тому же точный. Описывалось все до мельчайших деталей, упоминалась даже испачканная кровью записка, найденная у жертвы во рту. Но о том, что труп обнаружили в нескольких ярдах от борделя, как ни странно, не было ни слова. Я не сомневался, что статья вызовет бурление среди белого населения, как и передовица, с полной уверенностью называвшая виновных. Террористы и революционеры, визжала она, стремятся свергнуть законную власть, и требовала скорого и безжалостного возмездия.

Мне стало не по себе. Конечно, газета имела право на собственное мнение, и, если честно, пункт про «безжалостность» меня не смущал. Я сомневался насчет скорости, поскольку ско-

рость зависела от меня и моей команды, а если судить по вчерашнему дню, вряд ли мы быстро добьемся успеха.

История просочилась в прессу на удивление резво. Вот и провалилась попытка губернатора сохранить убийство в секрете, отправив на место преступления военную разведку. Теперь, когда мрачными подробностями смерти Маколи усеяна вся первая полоса газеты, в центре всеобщего внимания окажемся мы. Можно не сомневаться, что общественность впадет в панику при первом же намеке на опасность. Она будет требовать мгновенных результатов. Но если в итоге губернатор будет вынужден вернуть мне доступ к моему месту преступления, не так уж это и плохо.

Через час я сидел у себя в кабинете и смотрел через стол на Дигби. Когда я явился на службу, он уже ждал меня, пребывая в несколько возбужденном состоянии.

– Уиндем! – воскликнул он. – Мне кажется, я совершил прорыв!

Я мужественно встретил это заявление, пригласил Дигби в свой кабинет и расположился за столом, в то время как сам он принялся расхаживать передо мной туда-сюда.

– Рассказывай.

Он остановился и перегнулся через стол:

– Один из моих осведомителей что-то знает. Он говорит, что кое-что слышал о том, кто мог убить Маколи. Утверждает, что ему известно имя.

– И ты ему доверяешь?

– Разумеется, нет! – фыркнул Дигби. – Он индус! Но я ему плачу, и его сведения бывают полезны.

– Где его найти?

– В Черном городе. Он торгует *паном*³⁵. Его зовут Викрам. Обычно стоит недалеко от Шьямбазара.

– Ладно, – сказал я. – Возьми автомобиль. Поедем туда.

Дигби улыбнулся:

– Приятель, мы не можем просто так туда заявиться. Если кто-нибудь увидит, как он беседует с двумя сахибами из полиции, это может здорово сказаться на его полезности как осведомителя. А также, кстати, на продолжительности его жизни.

– Так когда же?

– Расслабься, – ответил он, подмигивая. – Я устроил встречу. Сегодня вечером.

Мне не очень хотелось целый день сидеть и ждать разговора с осведомителем Дигби. Это совершенно не было похоже на «скорое и безжалостное возмездие», которого требовал «Стейтсмен», и я сильно сомневался, что такой подход произведет хорошее впечатление на комиссара.

– А нельзя пораньше?

– Поверь мне, – ответил он, – под покровом ночи будет безопаснее.

Я нехотя кивнул в знак согласия.

– Прекрасно! – сказал Дигби, хлопнув в ладоши. – Я еще тебе нужен, приятель?

Я велел ему сесть и вкратце пересказал содержание нашего вчерашнего разговора с мисс Грант.

– Полностью соглашусь с ее мнением о Маколи, – сказал Дигби. – Он всегда был со странностями.

– Получается, ты хорошо его знал? – спросил я. – Почему ты не упомянул об этом раньше?

³⁵ Листья бетеля, азиатского тропического растения, используемые как возбуждающее средство.

– Ну, по-настоящему я его никогда не знал, – с запинкой объяснил Дигби. – Я, конечно, несколько раз с ним встречался, но и только. В Калькутте мир тесен, да и люди, сам знаешь, сплетничают. Ребята в клубе рассказывали, что он был несколько не в себе, ну, ты понимаешь.

Я совершенно ничего не понимал, о чем ему и сообщил.

Дигби замялся.

– Ну... он практически ни с кем не общался. Не пойми меня превратно – я не сомневаюсь, что он был превосходным бумагомарателем, держал местных в повиновении и всё такое, но он, по сути, не был... одним из нас. Говорят, его отец был шахтером-угольщиком.

По тону можно было судить, что в его глазах такой человек не лучше *кули*³⁶.

– А что его приятель, Бьюкен? – спросил я. – Ты с ним знаком?

Дигби запнулся.

– Не то чтобы. Видел раз или два на приемах, но не более того.

– А он, по-твоему, «один из нас»?

Дигби рассмеялся:

– Он миллионер. Он может быть одним из нас когда угодно, если захочет. А теперь, приятель, если ты не возражаешь, я пойду займусь делами.

Он ушел и закрыл за собой дверь. Я задумался, что делать дальше. Идея сидеть и ждать темноты, когда можно будет поговорить с осведомителем Дигби, меня не очень привлекала, поэтому я решил придерживаться своего изначального плана: встретиться с Бьюкеном, с коллегами и слугами Маколи, побывать на вскрытии, условиться о встрече с губернатором и разыскать пастора, о котором рассказала мисс Грант. А главное, я хотел еще раз побеседовать с той девушкой, Дэви. Она явно что-то от нас скрывала, и я хотел знать, что именно. Правда, нужно было устроить так, чтобы при разговоре не присутствовала грозная миссис Бозе.

Я позвонил в «яму» и попросил к телефону сержанта Банерджи. Дежурный крикнул, и через несколько секунд тот взял трубку.

– Есть новости, сержант?

– Итак, сэр, – ответил он со своим аристократичным произношением, роднившим его с архиепископом Кентерберийским, – я позвонил на предприятие мистера Бьюкена в Серампуре. Секретарь мистера Бьюкена сообщил, что того не было на месте уже несколько дней и что он не упоминал, когда планирует вернуться. Секретарь дал мне номер резиденции мистера Бьюкена. Я позвонил по этому номеру, и там мне сообщили, что мистер Бьюкен проводит эту неделю в Калькутте, в резиденции при своем клубе.

– Каком клубе?

– При клубе «Бенгалия», сэр. Я взял на себя смелость позвонить администратору. Сотрудник уведомил меня, что мистер Бьюкен действительно находится в резиденции, но распорядился, чтобы его не беспокоили до десяти утра. Он также упомянул, что мистер Бьюкен обычно завтракает около одиннадцати. Может быть, нам удастся застать его в это время.

– Хорошо. В таком случае, не придется ехать в Серампур. Попробуйте раздобыть нам автомобиль с водителем. Я хочу поймать нашего дорогого Бьюкена, пока он не исчез из клуба.

– Да, сэр.

– А что насчет пастора? Получилось его найти?

– Пока нет, сэр. Я позвонил в тану в Дум-Думе. Они сообщили мне, что в указанном районе есть несколько христианских миссий и приютов. Они наведут справки и немедленно свяжутся со мной.

– Что-нибудь еще?

– Да, последнее, сэр. Я разыскал адрес Маколи – на случай, если вы захотите поговорить с его слугами.

³⁶ Чернорабочий; также используется как презрительное название индийца.

– Отлично, сержант, – одобрил я, записывая адрес на клочке бумаги. – Сообщите, когда договоритесь об автомобиле.

Только я положил трубку, как телефон зазвонил опять. Я решил было, что это Банерджи забыл мне о чем-то сообщить, но, к своему удивлению, услышал взволнованный голос Дэниелса, секретаря комиссара.

– Уиндем, пожалуйста, немедленно зайдите в кабинет комиссара. Это срочно!

Семь

– Неужели Таггерт считает, что на это стоит тратить наше время! – ворчал Дигби, утирая пот со лба промокшим платком.

Я отчасти ему сочувствовал, и не только из-за температуры, которая была в районе ста десяти градусов в тени, – ну или была бы, имейся здесь хоть какая-никакая тень.

Апрель в Калькутте месяц неприятный. Здесь вообще мало приятных месяцев, но в апреле начинается лето, и ничего хуже себе представить нельзя. Земля задыхалась под колпаком невыносимой жары, и все ее жители, как англичане, так и индийцы, медленно варились в бесконечном, мучительном ожидании муссонных дождей, до которых оставалось еще два месяца.

Мы втроем – Дигби, Банерджи и я – находились за городом, в часе пути к северу от Калькутты. Во все стороны разбегались зеленые поля. Там, вдали, время, казалось, замерло, и крестьяне пахали землю, идя за плугом, запряженным волами, по изрытым бороздами пастбищам. Водитель остановился на обочине, и теперь мы карабкались на крутую насыпь, возвышавшуюся над полями на добрые двадцать футов – туда, где пролегалo железнодорожное полотно. Прямо перед нами, похожий на толстого металлического слизня, грустил на вершине насыпи угольно-черный локомотив неподвижного состава. За ним протянулись восемь вагонов, пассажирских и товарных вперемешку. Все они были выкрашены в цвета Восточно-бенгальской железнодорожной компании. Вокруг толклись местные констебли, изо всех сил стараясь не выходить из тени. На них была форма защитного цвета, какую носили почти все служащие Имперской полиции на всей территории Индии. Всей, за исключением Калькутты. Мы в городе носили белую форму.

– Как, по его мнению, мы должны продвигаться в деле Маколи, если он заставляет нас бегать и разбираться с убийством каждого Тома, Дика или Гарри? – вопрошал Дигби.

– Уверен, что у комиссара были на то причины, – ответил я, хотя понятия не имел, какие именно.

– Неужели он не мог других найти? Господи, убили какого-то кули. Почему люди из местной таны не могли этим заняться? – Дигби лез на насыпь, тяжело дыша от жары и напряжения.

Мы прибыли сюда по распоряжению Таггерта, чтобы расследовать убийство. По предварительным данным, на поезд напали *декойты*³⁷, но ограбление пошло не по плану и закончилось гибелью железнодорожного охранника-индийца. Хотя цвет кожи человека и не должен никак влиять на важность дела, в реальности все было, как правило, иначе, и должен признаться, что я и сам, подобно Дигби, недоумевал, почему Таггерт счел нужным отвлечь нас от дела Маколи, чтобы расследовать, в сущности, просто неудавшееся ограбление.

Вся суэта явно сосредоточилась вокруг вагона охраны в хвосте поезда. Я велел Банерджи идти к локомотиву и поговорить с машинистом, а мы с Дигби направились к хвосту. Двое констеблей как раз спускали завернутое в простыню тело из вагона на землю.

Я приказал одному из констеблей открыть голову убитого. Зрелище было довольно неприглядное: сломанный нос, лицо все в кровоподтеках, спутанные волосы слиплись от крови. Тот, кто это сделал, явно не стеснялся махать кулаками. Я кивком разрешил констеблю вернуть простыню на место.

Внутри вагона охраны виднелись силуэты двух мужчин, о чем-то горячо споривших. Один из них, пониже ростом, в фуражке с козырьком, казался более возбужденным. Он бурно жестикулировал и тыкал толстым пальцем в грудь собеседнику. Я решил, что это полицейский, старший по званию на месте преступления. Как же я удивился, обнаружив, что он не в поли-

³⁷ Члены вооруженной разбойничьей шайки.

цейской форме, а в форме железнодорожного кондуктора! Судя по внешности, он был смешанных кровей, а человек, которого он так увлеченно распекал, оказался сержантом полиции, индийцем. Оба они встретили нас с нескрываемым облегчением.

– Полицейские-англичане! – воскликнул кондуктор. – Может быть, мы хоть теперь сдвинемся с места!

Я оставил его слова без ответа и обратился к сержанту, который, казалось, был слеплен из того же теста, что и Банерджи, – в очках, худенький и почти такой же унылый на вид.

– Что здесь произошло? – спросил я.

Не успел индиец ответить, как вмешался кондуктор:

– Если вы хотите знать, что произошло, то спрашивать нужно меня, потому что я старший по званию железнодорожный служащий, а еще потому что я, собственно, был здесь, когда все это случилось.

Я вздохнул. Мне никогда не нравилось иметь дело с госслужащими на мелких должностях. Все они, как правило, отличались непомерно раздутым самомнением, а те, кто носил фуражки с козырьком, были хуже прочих.

– А вы кто?

– Перкинс, сэр. Альберт Перкинс, – ответил он, выпячивая грудь и вытягиваясь передо мной в полный рост, пять с половиной футов плюс фуражка. – Начальник охраны на этом поезде.

– В таком случае, мистер Перкинс, расскажите нам, что произошло. С самого начала.

– Что ж, – согласился Перкинс, – если вам угодно с начала, то с него я и начну. По расписанию мы должны были отправиться с вокзала Сеалда прошлой ночью в час тридцать, но поезд задержали примерно на полтора часа, поэтому, когда мы наконец тронулись, было уже больше трех. Первый час дороги или около того все шло как обычно. Потом, когда мы были на этом месте, кто-то дернул за сигнальный шнур. Конечно же, машинист тут же остановил состав. Я пошел по вагонам, чтобы выяснить, что случилось. Прямо вам скажу: нечасто такое бывает, чтобы кто-то дергал за шнур в ночном поезде. Проблемы начались, когда я добрался до пассажирского вагона второго класса. Вдруг встали какие-то два индийца – такие, приличного вида, в костюмах. Один нацелил мне в голову пистолет и приказал лечь лицом в пол. Само собой, я послушался. Некоторые пассажиры запаниковали, но один из этих двоих крикнул что-то на бенгали и заставил их замолчать. Мне с пола почти ничего не было видно, но я уверен, что второй из них тогда ушел из вагона. Где-то через минуту я услышал голоса снизу, с путей, – местные, и довольно много, так я понял по звуку. Там, снаружи, творилась какая-то суета. Я думал, что они пойдут по купе, грабя пассажиров, но нет, не пошли. Даже в вагон первого класса. Машинист говорит, они просто поставили по человеку в каждый вагон и двоих – вперед, в локомотив, а остальные двинулись сюда, в хвост поезда.

– И что было дальше?

Перкинс пожал плечами:

– Точно не знаю. Этот негодяй держал меня на полу. И все время я слышал крики со стороны хвоста. Наконец – похоже, было почти пять – раздался крик, и декойт, державший меня на мушке, вдруг ушел. Я думал, он вернется с группой своих дружков, но ничего такого не случилось. Он будто растворился – и он, и все остальные.

– И что вы сделали тогда?

– Я ничего не делал, пока машинист с помощником не пришли меня искать. Откуда мне было знать, что эти негодяи исчезли? А потом я вышел из вагона с Эвансом – это машинист. Знаете, настоящий англичанин. Говорит, из самого Лондона. Водит сорок третий поезд уже почти двадцать лет. Я уточнил у него, точно ли преступники убежали, и после отправился по купе – проверял все по очереди. Несколько английских леди в первом классе были страшно напуганы, но никто не пострадал. Я прошел весь состав до самого вагона охраны – и только

тогда увидел тело юного Пала, – он указал в сторону железнодорожного полотна, на завернутый в простыню труп.

– Его звали Пал?

Перкинс торжественно кивнул:

– Хайрен Пал.

Я огляделся. Вагон был разделен пополам проволоочной решеткой с дверью, позволяющей перемещаться между двумя половинами. По нашу сторону решетки стоял небольшой письменный стол, заваленный какими-то бумагами. Рядом валялись опрокинутый стул, разбитая керосиновая лампа и несколько листков, упавших со стола и угодивших в лужу застывающей крови. С той стороны решетки лежало около дюжины тяжелых с виду джутовых мешков и стояли два объемных сейфа, оба открытые.

– Как вы считаете, зачем они в него стреляли? – спросил Дигби.

– Не знаю, – пожал плечами кондуктор.

– Что они забрали? – поинтересовался я.

Кондуктор снял фуражку и почесал в затылке:

– В том-то и дело. Насколько я понимаю, ничего.

– Ничего? – переспросил Дигби. – Банда декойтов нападает на поезд, убивает охранника и уходит, ничего не взяв? Чушь какая.

– Я вам точно говорю, – с жаром закивал Перкинс. – Все мешки с почтой на месте, и, как я уже сказал, они не грабили пассажиров.

– А как же те сейфы? – спросил я. – Что было в них?

– Прошлой ночью – ничего, – ответил Перкинс.

– Это обычная ситуация?

– Иногда они полны. Иногда пусты. Ведь это же сорок третий из города!

Он посмотрел на нас и не увидел понимания в наших лицах.

– Сорок третий из города – это Дарджилингский почтовый, – пояснил он. – Основной рейс между Калькуттой и Северной Бенгалией. Почти все, что должно туда попасть, от людей и скота до официальной государственной корреспонденции, едет сорок третьим из города.

– А как вы подняли тревогу? – спросил я.

– Где-то через десять минут после того, как декойты убежали, мимо нас проезжал двадцать шестой в город. Мы остановили его и рассказали кондуктору, что случилось. Они предложили нам помощь, а добравшись до Нейхати, сообщили о происшествии.

Я повернулся к сержанту-индийцу:

– А где пассажиры?

– Всех пассажиров второго и третьего класса перевезли на вокзал Бандел-Джанкшен для дачи показаний, – ответил он. – В первом классе ехали только европейцы, сэр. Их тоже доставили в Бандел, но оттуда разрешили ехать дальше по своим делам. Но у нас есть список их имен с адресами.

Пассажиры первого класса были белыми, поэтому и надеяться нечего, что они послушаются приказа местного полицейского и будут сидеть несколько часов в какой-то дыре и ждать, когда у них возьмут показания. В Индии даже силы законности и правопорядка отступали перед превосходством расы.

Я велел Дигби взять у кондуктора подробные показания, а сам прохрустел по гравию к голове поезда. Банерджи разговаривал с машинистом. Увидев меня, он неуклюже спустился с подножки локомотива.

– Ну как, много удалось узнать? – спросил я.

– Я пытался взять у него показания, сэр, но это оказалось непростой задачей. Он не очень хорошо говорит по-английски.

– Странно, – удивился я. – Кондуктор уверил меня, что он англичанин.

– Боюсь, что так и есть, сэр. Может, вы хотите сами с ним поговорить?

Эванс оказался невысоким коренастым мужчиной, таким же крепким на вид, как и локомотив, которым он управлял. Его лицо и рабочий комбинезон покрывала угольная пыль, а морщины на щеках были словно прочерчены копотью. Мне он сразу понравился.

Его версия событий совпадала с версией Перкинса: примерно в часе езды от калькуттского вокзала Сеалда кто-то дернул за шнур, и Эванс остановил состав. Но в то время как Перкинс подробнейшим образом исследовал пол вагона второго класса, Эвансу с его локомотива было гораздо лучше видно, что происходит.

– Едва мы остановились, – сказал он, – целая толпа этого ворья налетела на нас со всех сторон – спереди, слева, справа.

– Сколько их было?

Эванс пожал плечами:

– Точно не скажу, командир, темень была крошечная, но, думаю, никак не меньше десятка. Потом один лезет сюда и тычет в меня своим стволом. Руки, мол, вверх. Двадцать лет назад я бы ему мигом врезал, но нынче силы уже не те. Остальные, того, по вагонам разбрелись. Слышу, как дамы в первом классе верещат. Но они мигом замолчали. Не иначе как какой-то черномазый и на них тоже ствол направил.

– Вы слышали, что происходило в вагоне охраны?

Он помотал головой:

– Не. Слишком далеко.

– Что было дальше?

– Тот черномазый, что был тут со мной и Эриком, – Эванс указал на своего помощника, который лопатой закидывал уголь в топку локомотива, – он хотел, чтоб мы сошли вниз, но мы не послушались, – так, Эрик?

Помощник кивнул, не отрываясь от своего занятия.

– Я ему и говорю: «Стреляй, коли хошь, а я вожу Дарджилингский почтовый больше лет, чем ты небо коптишь, и слезу я с локомотива не раньше, чем мы доедем до моста Хагдинга». В конце концов этот ублюдок передумал и оставил нас здесь. Дальше тут все было спокойно: я, Эрик и этот черномазый, он все целился в нас своим стволом. Мы слышали, что там, в хвосте, что-то происходит, но ни черта не видели в темноте. Через час где-то, как раз перед рассветом, один мерзавец там, на рельсах, давай что-то орать. И тут все они скопом, а с ними и наш приятель из локомотива, попрыгали с поезда – и деру. Часть побежала вон туда, – он махнул рукой через поля на север, – остальные – туда, к дороге. Через несколько минут тут никого не осталось.

– А потом?

– Ну, мы с Эриком, значит, чуток выждали. Солнце уже поднималось, и мы осмотрелись, чтобы, значит, проверить, что все чисто и никто из этих ублюдков тут не ошивается. Никого не видать, поэтому мы спрыгиваем вниз и идем вдоль поезда искать старика Перкинса. Я-то надеялся, что они его слегонца потрепали, но нет. Глядим – лежит на полу во втором классе, ровно младенец спящий. Ну, короче, отклеил он пузо от пола и велел мне идти обратно в локомотив, а сам пошел остальные вагоны проверять. Это он нашел беднягу Пала.

– Расскажите о Пале.

Эванс пожал плечами:

– Дельный парень, из семьи железнодорожников. Работал на железной дороге с детства. Тихоня был, мухи не обидит. Вообразить не могу, чтобы он пошел против банды декойтов. Отчего они решили его пришить, а не Перкинса, не пойму.

– Кажется, вы не в восторге от кондуктора.

– Ну так ты его видел. Тебе самому он нравится? А тут представь, тебе с этим простофилей работать день за днем – и так семь лет.

У меня оставался последний вопрос:

– А часто в этих местах декойты нападают на поезда?

Эванс помотал головой:

– Бывает, конечно, особенно ежели в безлюдных местах подальше от городов или в Бихаре – дырища каких мало, – но в жизни не слыхал, чтоб декойты напали на поезд так близко к Калькутте.

Поблагодарив Эванса за помощь, я спрыгнул на рельсы и кликнул Банерджи, который беседовал с одним из местных констеблей.

– Давайте пройдемся, сержант, – сказал я, направляясь в сторону полей, куда, по словам Эванса, убежала часть нападавших. Добрых десять минут мы прочесывали местность к северу от состава, но не нашли ничего, кроме примятой травы.

Мы вернулись к поезду и двинулись теперь на юго-восток, в сторону шоссе, куда, как сообщил машинист, направились остальные грабители.

– Что это за дорога? – спросил я у Банерджи.

– Это Великий колесный путь, сэр.

– Он ведет обратно в Калькутту?

– Да, сэр.

– А в противоположном направлении куда он ведет?

Банерджи улыбнулся:

– Его длина составляет более двух тысяч миль, сэр. Он ведет до самого Дели, а дальше – через Хайберский перевал и в Кабул.

– Думаю, не стоит всерьез рассматривать возможность, что наши разбойники сбежали в Афганистан, сержант, – заметил я. – Меня интересует только ближайший крупный город, через который ведет шоссе.

– Если я не ошибаюсь, сэр, в непосредственной близости отсюда оно проходит через Нарьянпур.

– Сколько до него?

– Не имею представления, сэр. Я не знаю точно, где мы сейчас находимся.

Мы шли по дороге еще несколько минут, пока не увидели прилегающую к ней небольшую грунтовую площадку.

– Посмотрите, Банерджи!

На земле отчетливо проступала колея.

– Следы шин, – сказал сержант. – Здесь проехало какое-то транспортное средство, и, кажется, недавно. Может, легковой автомобиль?

– Следы слишком широкие для шин легкового автомобиля, – возразил я. – Скорее всего, грузовик.

Мы еще немного побродили в округе, но больше ничего не обнаружили. Я взглянул на часы: почти половина десятого. Пора было собираться, если мы хотели застать мистера Бьюкена в клубе «Бенгалия». Я неохотно окликнул Банерджи и велел возвращаться к поезду.

– Ну, господа, какие будут версии? – спросил я. Наш автомобиль несся в Калькутту. Мы втроем кое-как умещались на заднем сиденье.

– Мне кажется, все предельно ясно, приятель, – отозвался Дигби. – Декойты нападают на поезд, чтобы очистить сейфы. Обнаружив, что сейфы пусты, они в ярости стреляют в охранника. Он погибает, они пугаются и убегают. Следовало бы распорядиться, чтобы окружная полиция устроила облаву на местных злодеев. Мы тут имеем дело не с самыми искушенными преступниками. Кто-нибудь из них обязательно заговорит и сдаст всю компанию.

План действий выглядел соблазнительно. Списать все на неумелое ограбление и передать дело местной полиции. Только вот этот конкретный сценарий противоречил фактам.

Насколько я мог судить, нападавших никак нельзя было назвать неумелыми. Напротив, все обстоятельства говорили о том, что операцию тщательно спланировали. Разумеется, кроме ее исхода. И в этом-то и был главный вопрос: если они нападали с целью ограбления, то почему ничего не взяли?

Восемь

Клуб «Бенгалия» находился на Эспланаде, широком проспекте, воткнутом между официальной резиденцией губернатора и рекой Хугли. Ворота стерегли два мощных бородатых сикха, столь огромных, что сами ворота казались излишними. На сикхах была красно-белая форма, расшитая таким количеством золотой тесьмы, что хватило бы на целый полк Королевской конной гвардии. Утро было в самом разгаре, и золотые кокарды, прикрепленные к белым тюрбанам, ярко блестели в солнечном свете.

При нашем приближении один гигантский часовой сделал шаг вперед и поднял ладонь размером с теннисную ракетку. Водитель резко затормозил. Банерджи вышел из автомобиля и направился к воротам. Часовому он едва доставал до груди. Дальше произошло нечто совершенно неожиданное. Банерджи стал кричать и размахивать руками как безумный, часовой перепугался и тотчас же переменил манеру: начал кланяться и горячо жестикулировать, приглашая нас проехать, а его товарищ стоял вытянувшись по струнке и отдавал нам честь. Это было так же удивительно, как если бы джек-рассел до смерти напугал добермана.

– Отличное представление, Несокрушим, – сказал я, когда сержант снова к нам присоединился. – В первый миг я перепугался, что он превратит вас в лепешку.

Автомобиль с хрустом ехал по гравию длинной подъездной аллеи мимо безупречных газонов. Целая группа садовников-индийцев подравнивала и так идеально ровную траву, словно парикмахеры, стригущие лысого клиента. Сам клуб казался уменьшенной версией Бленхеймского дворца³⁸, выкрашенной в белый и перенесенной в тропики, и служил очередным примером того, как мы воплощаем свои имперские фантазии в архитектуре. Британская Индия, где у каждого англичанина есть собственный дворец.

Автомобиль остановился возле весьма впечатляющего подъезда. Латунная табличка, привинченная к одной из колонн, гласила: «Клуб „Бенгалия“, основан в 1827 году». У входа стоял деревянный знак, безупречными белыми буквами сообщавший:

СОБАКИ И ИНДИЙЦЫ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ

Несокрушим заметил мое отвращение.

– Не беспокойтесь, сэр, – сказал он. – Мы, индийцы, знаем свое место. Ведь действительно британская цивилизация за полтора века достигла такого, на что нам не хватило и четырех тысяч лет с лишним.

– Именно, – поддакнул Дигби.

– Например? – спросил я.

Губы Банерджи тронула тонкая улыбка:

– Ну, например, нам так и не удалось научить собак читать.

Он сказал, что может погулять по территории, пока мы с Дигби будем разбираться с Бьюкеном.

– Ни в коем случае, – возразил я. – Я не допущу, чтобы вы тут прохлаждались, пока мы делаем всю работу.

Он улыбнулся:

– Да, сэр. Извините, сэр.

³⁸ Родовое имение герцогов Мальборо, один из крупнейших дворцов Англии.

– Прости, что вмешиваюсь, приятель, – сказал Дигби, – но, думаю, будет лучше, если сержант и правда останется здесь. Нам вовсе незачем злить этих людей. Особенно если мы хотим, чтобы они ответили на наши вопросы.

Возможно, это и была тактичная линия поведения, но я вовсе не был настроен проявлять такт. К счастью, Несокрушим нашел выход.

– Сэр, – предложил он, – может быть, мне стоит поговорить с персоналом, обслуживающим территорию?

– Хорошо, сержант, – согласился я, и Несокрушим устремился через газоны, а мы с Дигби направились внутрь здания.

Мы оказались в необъятном пространстве богато декорированного вестибюля. Здесь было больше мрамора, колонн и бюстов на постаментах, чем в принципе имеет смысл записывать в помещение, если это только не Британский музей. Если бы Юлий Цезарь или Платон заглянули сюда на бокальчик-другой, они бы мигом почувствовали себя как дома. У дальней стены за стойкой администратора торчала одинокая фигурка пожилого индийца в черном пиджаке с гербом клуба. Дигби пошел осведомиться о Бьюкене, а я воспользовался моментом, чтобы осмотреться.

Одну стену украшала широкая дубовая панель с перечнем бывших президентов клуба – целого сборища полковников, генералов, рыцарей и даже некоторого количества лордов, увековеченных в золотых письменах. Другие стены были увешаны головами тигров и носорогов и таким количеством пар оленьих рогов, какое не встретишь на целом стаде животных, резвящемся на просторах шотландского поместья. Над стойкой администратора нависал очередной портрет Георга V в полный рост. На сей раз монарх был в полном комплекте военных орденов и наград и, казалось, слегка страдал от запора. Меня всегда поражало, насколько он похож на кайзера Вильгельма. На мой взгляд, они отличались друг от друга разве что фасоном растительности на лице. Если бы они поменялись одеждой, сомневаюсь, что кто-нибудь заметил бы разницу. Даже для двоюродных братьев сходство было удивительным. Какая жалость, что столько людей погибло из-за, в сущности, семейной распри.

– Бьюкен завтракает на веранде на втором этаже, – сообщил Дигби, направляясь к монументальной лестнице. – Нам сюда.

Поднявшись по ступенькам и миновав увешанную зеркалами лестничную площадку, мы вошли в просторную гостиную, где не было никого, кроме нескольких старых седовласых болванов, уткнувшихся в газеты. Они мне напомнили полковника Теббита: те же усы, бакенбарды и те же физиономии цвета очищенной свеклы.

Мы пересекли гостиную, прошли сквозь застекленные двери и оказались на тенистой веранде. Под навесом выстроилось с полдюжины столов в окружении плетеных кресел. Все они пустовали, кроме одного, самого дальнего, где читал газету коренастый господин в белой рубашке и синем шелковом жилете. Перед ним на столе стояла тарелка спелых желтых манго. Я и без помощи Дигби догадался, что мы нашли того, кого искали. Было в нем что-то особенное, какая-то едва скрытая мощь, как у боксера на пенсии. Услышав наши шаги, он поднял взгляд и отложил газету. Глаза холодного серого оттенка, массивная челюсть – одним своим присутствием он создавал смутное ощущение угрозы, и весь был похож на отвесную скалу.

– Мистер Бьюкен, сэр, – начал Дигби, – вы не могли бы уделить нам несколько минут?

– А, Дигби, – пророкотал Бьюкен низким голосом, напомнившим мне рев танка. – Как жизнь, старина?

– Прекрасно, сэр, прекрасно. Спасибо, – залебезил Дигби, как будто лизал ботинки самому вице-королю. Он указал на меня: – Позвольте представить вам капитана Сэма Уиндема. Капитан Уиндем раньше служил в Скотланд-Ярде.

В знак приветствия Бьюкен слегка кивнул своей круглой, гладко выбритой головой.

– Мистер Бьюкен, – сказал я, повторяя его жест.

– Мы с капитаном Уиндемом надеялись задать вам несколько вопросов, сэр, касательно этого происшествия с Маколи, – решился сказать Дигби, указывая на заголовок в газете, лежавшей перед Бьюкеном.

Тот протянул руку в сторону двух свободных кресел:

– Конечно, господа. Прошу вас, садитесь.

Без всякого приглашения рядом с нами возник официант в тюрбане.

– Что будете? – спросил Бьюкен.

Я покачал головой:

– Ничего, сэр.

Взмахом мощной руки Бьюкен отпустил официанта, и тот исчез так же ненавязчиво, как и появился.

– Это полное безобразие, господа, – заявил Бьюкен, тыча в газету толстым пальцем. – Куда катится страна, если у этих бессовестных ублюдков хватило наглости убить помощника самого губернатора? И не где-нибудь, а здесь! Прямо в центре Калькутты!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.